

ПТУШНИК

ИННОКЕНТИЙ БЕЛОВ

Иннокентий Белов
ПТУшник
Серия «ПТУшник», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70370533

SelfPub; 2024

Аннотация

Герой возвращается в тело самого себя на сорок лет назад и пытается прожить новую жизнь заново, кардинально меняя свое будущее. Кроме умудренных жизнью мозгов, других роялей в тексте пока не замечено. Много на себя не берет, СССР не спасает, Горбачева не душит в темном углу пыльным мешком. Для любителей СССР и хулителей этого социального строя – книга пишется по личным ощущениям автора от тех далеких времен, как он их сам помнит. За поправки, дополнения и подтверждения автор будет благодарен читателям.

Иннокентий Белов

ПТУшник

Название: ПТУшник

Автор(-ы): Иннокентий Белов

Ссылка: <https://author.today/work/243855>

Глава ПРОЛОГ

Ранним майским утром сильно уже взрослый, на переходе к пожилому возрасту мужчина по имени Игорь и отчеству Викторович, то есть именно я собственной персоной, подъехал к своему лодочному гаражу на берегу одной не очень широкой речки в Ленинградской области.

Стоит прекрасное весеннее утро, день обещает оказаться теплым и ласковым, поэтому Игорь Викторович в моем лице рано проснулся в одиночестве, подумал о своей жизни, понял, что уже не уснуть как не старайся. Поэтому собрался прокатиться по реке и порыбачить в знакомых местах, пока рыба активно идет на блесну и поплавков, оголодавшая здорово за зиму.

А что еще делать одинокому человеку в возрасте, как не ловить рыбу?

Я заглушил свой немолодой, зато весьма надежный в эксплуатации джип, вынес из гаража сначала надувную лодку, потом повесил на нее легкий японский трехсильный мотор, положил удочки с прикормкой и наживкой, спиннинг с блес-

ной приготовил отдельно.

Закрыв ворота гаража и машину, убрал подальше ключи во внутренний карман и застегнул его на молнию.

Еще вывалятся в неподходящий момент азартного клева в воду и ищи их, свищи их, да и брелок сигнализации глюкнет от воды наверняка.

Оттолкнулся от причала веслом и, заведя мотор, поплыл вверх по течению реки. Пустил блесну в проводку, по дороге к первому хорошо знакомому месту вытащил пару небольших щучек.

Хороший знак, значит сегодня окажется удачный день для рыбалки.

– Отлично, на пожарить уже есть! – порадовался я улову.

Через полчаса непрерывного движения против течения добрался до первого знакомого омута, проверил эхолотом наличие рыбы и закинул удочку. С такой удобной штукой ловить гораздо интереснее и солидно весомее улов выходит, когда можешь зряче контролировать рыбу и все ее перемещения под водой.

Рыбалка идет с переменным успехом, пока вскоре не запахло скорой майской грозой. Туча надвигается со стороны высокого берега и тут я задумался, что делать прямо сейчас.

Переждать сильную грозу на бережку под имеющимся у меня зонтиком или попробовать добраться до гаража, пусть и немного промокнув в пути? Или даже очень сильно, если она все же догонит меня?

В принципе, лучше подготовиться загодя, чем решать проблемы в лодке на ходу, заливаемой струями воды с неба.

Там и пристать можно не везде, берега отвесные почти все время ниже по течению.

В принципе, улова уже хватит на уху, да и на пожарить на сковородке нормально набралось, но хотелось бы еще начать вялить рыбу по моему особому рецепту, очень популярному среди знакомых и приятелей.

С удовольствием начинать развешивать в гараже длинные веревки с сохнущей рыбой, к концу месяца она уже будет готова к употреблению, именно такая сыроватая и жирная на вкус, но без особой соли.

Поэтому есть мысль остаться и продолжить рыбалку после грозы, тем более, что спешить давно уже некуда.

Что с одной стороны – довольно печально, а с другой – пришла пора отдохнуть от напряженной жизни.

Ведь все, что требовалось – уже заработано, а лишнего с собой не заберешь, так же как не выпьешь и не съешь больше, чем положено.

Пока я размышляю, воздух как-то стал ощутимо плотнее, духота обвилась тяжелым кольцом вокруг лодки, поэтому я притормозил около подвернувшегося пологого бережка, заскочив носом на песчаную отмель. Собираюсь все же переждать под зонтом быстро нагоняющую меня пелену ливня.

Повернулся телом к берегу и только собрался встать на ноги, как яркий, сильно светящийся шар спланировал, обо-

гнув высокий берег и березу на нем, прямо мне в грудь. Резкая, мучительная боль бросила меня уже не знаю куда.

Глава 1 ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда я понимаю, что сознание ко мне вернулось, что у меня получается свободно думать, в этот момент я лежу, укрытый теплым одеялом в очень небольшой комнате.

В комнате или может это палата – совсем темно, только слышно, как кто-то рядом дышит, легко так и часто, как некрупный телом человек.

По дыханию совсем не похоже, что здесь палата реанимации, там люди дышат с трудом и тяжело, а это легкое дыхание ребенка. Правда знание это у меня чисто теоретическое, сам я там не лежал, бог миловал, а вот теперь, если выжил – должен бы попробовать такое дело как следует, напробо-ваться вволю после произошедшего.

Может, что и до самой смерти, если тело повреждено очень сильно.

Я очнулся внезапно и теперь лежу молча, гляжу в сплошную темноту, не понимая, где я оказался.

Некая заторможенность мыслей присутствует, текут они не спешно, зато очень плавно и это мне нравится.

Что хотя бы просто текут и есть в наличии, эти самые мысли, а не просто их полное отсутствие.

Я в реанимации? Меня смогли спасти после прямого контакта с шаровой молнией? Я ведь должен был отшатнуться от нее на рефлексх и завалиться за борт лодки после удара,

чтобы как минимум захлебнуться на мелководье, если даже выжил после разряда?

Да еще вместе с молнией в воде оказаться – ну это совсем лютый такой вариант! Сразу же сваришься и обуглишься одновременно.

Даже Робокон или Терминатор не выживут после такого, в этом я уверен, у последнего все клеммы от полного контакта расплавятся. Если только тот, который "жидкий терминатор", справится с такой внезапной подставой.

Какая все же хрень лезет в голову! Даже если принять на веру то, что я выжил!

Что, в общем-то, достаточно невероятно в любом случае. Однако, раз мыслю, значит – существую!

– Нет, больницей здесь не пахнет, – понимаю я вполне отчетливо, нет дежурного освещения над дверью и никакой прибор поддержания жизнедеятельности ко мне не подключен.

И к моему соседу тоже, вообще ничего не светится рядом. Или ничего такого со мной не случилось, а это оказался внезапный инсульт или инфаркт?

В последние доли секунды нахождения в сознании мне оказалось послано стремительно темнеющим мозгом видение про светящийся шар, вонзившийся прямо в грудь, после чего я почувствовал всепоглощающую боль и потерял сознание.

Да, темнеющее сознание и всепоглощающая боль – имен-

но так я и представляю себе тот же инсульт.

Кто-то нашел меня, лежащего в лодке или успел вытащить на берег и вызвал скорую?

Которая очень быстро появилась, спасла мне жизнь и даже какое-то здоровье оставила?

Тогда, тем более, что я должен еще находиться в медицинском учреждении, бессознательного пациента точно на домашнее содержание не выпишут.

Я пока еще не пошевелился ни разу, но чувствую, что лежу по шею накрытый теплым одеялом, спокойно дышу и могу вполне нормально размышлять. Да и чувствую свое тело без проблем, напрягая и расслабляя мышцы на ногах и спине, ощущаю одеяло и опору под всем телом.

Нигде не болит и не чешется, провалов в памяти пока не обнаружено, я все нормально помню до того момента, когда чертов шар впился мне в грудь и живот.

Я, Бессонов Игорь Викторович, тысяча девятьсот шестьдесят шестого года рождения, живу в солидном по размерам городе в Ленинградской области, где у меня все по жизни вполне ладно. Есть своя квартира, и не одна, а целых две, одну из них я постоянно сдаю приезжим командировочным. Сдавать жилье требуется аккуратно, а то можно нарваться на тех еще натуральных гоблинов из провинции, которые от дешевого алкоголя превращаются в реальных таких вурдалаков.

Есть еще и третья жилплощадь, самая хорошая из всех,

однако там теперь проживает бывшая супруга с моими достаточно поздними детьми.

Имеется еще в собственности отдел в торговом комплексе в достаточно проходном месте, его я тоже теперь сдаю в аренду, всегда почему-то под торговлю шмотками. Арендаторы довольно часто меняются, теперь это уже шестая женщина за последние три года, которая собирается, если торговля не станет как-то лучше, тоже съехать с концами.

Одни съезжают, другие сразу же заезжают с энтузиазмом, обычная такая круговерть в малом бизнесе, медленно умирающем и как-то все же выживающем по нынешним временам.

Сам я уже три года не занимаюсь торговлей и не оказываю услуги, закрыл свое ИП, хотя до этого времени двадцать пять лет трудился на ниве мелкого бизнеса в родном городе. Занимаюсь другими делами и живу в свое удовольствие.

Нет, не все у меня ладно по жизни, в данный момент я, как говорится, в поиске подруги сердца, недавно расставшись с последней, с которой кое-как прожил совместно два года. В моем возрасте уже ни к чему особые тревобления, однако и совсем одному лучше не существовать, пусть и в достаточно комфортном для себя мире.

Хотя, это как посмотреть, немалый накопленный опыт в этом деле прямо намекает, что мне еще повезло с ней так быстро расстаться, дальше все оказалось бы гораздо хуже.

Когда прошло очарование первой встречи, близкого зна-

комства, долгих забегов на выносливость и сладострастие на почти не скрипящей широкой кровати.

А торговля, насколько я хорошо помню, как-то с две тысячи шестого года идет все хуже и хуже. Знакомые предприниматели уже примерно пятнадцать лет рассказывают друг другу неутешительные прогнозы и констатируют, что в прошлом году торговалось совсем плохо, однако в этом стало гораздо хуже.

– Представляешь! Так слабо никогда не было еще! Выручка упала в полтора раза!

И вот так примерно пятнадцать лет подряд, никто не похвастается, что стало лучше, чем было раньше. Примерно с тех пор, как в городе открылась первая сетевая «Карусель» дела местного малого бизнеса пошли на спад. Кстати, даже не примерно, а очень даже точно пошли, люди стали гораздо меньше ходить по маленьким магазинчикам.

По высоким западным стандартам теперь загружают полные тележки и вывозят их к машинам на парковку перед супермаркетом раз в неделю. Как те же когда-то недостижимые американцы или шведы.

Экономят на скидках рублей пятьсот, зато покупают лишнего на пару тысяч каждый раз, это я по себе знаю.

Да, что-то меня не вовремя увлекли воспоминания в сторону прошлой жизни, причудливо сейчас работает мозг, а ведь я о другом думать должен. Хорошо бы теперь разобраться с тем, где я и что со мной сейчас происходит.

Хотя, если над своим телом не завис в виде бесплотной эфирной субстанции – и то уже отлично!

Я поднял правую руку, потом левую, откинул одеяло и потрогал себя за грудь и живот.

Нет никаких следов ужасного ожога, значит шаровой молнии все же не оказалось в той действительности, как я справедливо подозреваю.

Только грудь странного гладкая, я не был никогда сильно волосатым, но какая-то растительность у меня присутствует все же.

Гладкая и щуплая – что-то я не узнаю свое тело. Да и солидного живота с жирком внизу и по бокам совсем не ощущается, ухватиться буквально не за что моим ладоням.

Конечно, когда лежишь на спине, живот все же немного просаживается, но точно не становится пустым и натянутым как барабан. Рука скользнула дальше, под резинку трусов, там все более-менее знакомое, кучерявые волосы и дружок без малейших признаков возбуждения.

Утренние поллюции последнее время радуют своим приходом не так часто, как когда-то, но функционирует орган хорошо, пока не уступает себе в молодости по выдержке и выносливости. Почти не уступает, честно говоря.

Подрывается, конечно, не так сразу и не на все, что движется и шевелится рядом. Однако стоит понимать, что в пятьдесят пять лет, после трех браков и сопутствующих им разводов, еще большого количества отношений между ними,

новизна и восторги от межполовых связей уже заметно притупились и успокоились.

Не четырнадцать лет все-таки, уже все прошел и все испытал.

Однако, что-то не так с моим телом, я это чувствую, да и сами руки – как тонкие прутики, совсем нет мяса. А я его накачиваю в местной качалке в ДК "Строитель" уже несколько лет. Обычно посещаю пару раз в неделю и немного горжусь хорошо прокачанным трицепсом, который так приятно показать и дать потрогать какой-нибудь привлекательной знакомой.

Да уже и просто знакомой, стоит сделать себе скидку на солидный возраст.

Которые уже все менее привлекательны, к сожалению. Впрочем, как и я сам – не Ален Делон, однако все так же не пью одеколон. Больше по вину итальянскому ударяю и стал в нем уже специалистом средней такой руки.

– Неужели я пролежал несколько месяцев в коме, раз руки так похудели? – возник закономерный вопрос к самому себе. – И живот пропал начисто, вместе со всем жирком.

Ничем иным я такую метаморфозу объяснить не могу, только долгим постельным режимом с искусственным питанием, что потерял все мышцы и еще килограммов двадцать веса. Если не больше.

Заодно объясняется мое нахождение не в палате и эта потеря веса, кто же тогда может ухаживать за мной?

Родители точно не потянут физически, только, если нанимают кого-то меня ворочать, что вполне вероятно.

Правда никакие пролежни совсем не чувствуются, а они должны бы начать образовываться при таком сроке бесчувственного лежания. Да и пахивать от меня должно совсем по-иному, как от тяжелого бесчувственного тела, которое на руках в туалет не отнесешь и в ванне не вымоешь дочиста. Но памперса на мне точно нет и пахнет белье нормально, органы обоняния отчетливо сигнализируют об этом.

Нос нормально так продышался, я хорошо снова чувствую запахи, которые пропали и так не вернулись почти полностью после коровавируса.

Однако все эти мысли сразу вылетели из головы, когда я потерял лицо и глаза.

Вот тут сразу стало понятно – что-то не так в королевстве Датском! Что-то совсем не так, насколько я себя помню!

Если я лежачий – вряд ли окажусь идеально чисто выбрит, но никакой растительности или жесткой щетины под ладонью не чувствуется. А она должна быть, если меня недавно побрили, обязательно должна, так тщательно не выбреешь сам себя. Тем более, что так сможет побрить бесчувственное лицо лежачего больного посторонний человек.

– Нет, поторопился я, – теперь понятно, что какая-то чахлая растительность имеется на щеках и скулах, весьма длинная и редкая.

Я довольно долго тянул с началом бритья, отмахивался

от замечаний учителей и подколок трудовика с надоедливym физкультурником.

Почему-то взрослые дядьки очень любят по этой теме пройтись, хотя какое их такое собачье дело, что там у меня на лице, мы же в школе учимся, а не в армии живем по уставу.

Физрук, понятно, перед нашими девицами еще выпендривается, у него много таких фишечек в запасе. Основная состоит в том, что он ловит отскочивший от стены зеленый теннисный мяч, оттянув резинку тренировочных штанов от красного фирменного, кстати, костюма, себе в область паха, а потом поднимает скатившийся вниз мячик с деревянного пола.

Наверно, по его мнению, это придает ему ореол мужественности и крутизны в глазах наших одноклассниц, ни чем другим такие фокусы я не могу объяснить. Ну, только больной психикой старого извращенца.

Где-то в девятом классе я только попробовал впервые бритву, после этого уже пришлось бриться постоянно, пару раз в неделю, а в училище уже через день.

Я сразу же решительно откинул одеяло и сел, решив проверить физическое состояние тела, спустив ноги на пол и ощутил под ногами ковровую дорожку. Вокруг по прежнему полная темнота, через шторы не пробивается никакого света.

Главное, что никакого головокружения у меня нет, проблем с перемещением из лежачего положения в сидячее не

появилось. Это очень радует после произошедшего на рыбалке, несказанно радует.

Зато по улице проехала машина, громыхая ковшом по асфальту, а до этого стояла сплошная тишина, примерно минут пятнадцать никто не проезжал мимо, это точно. В полной тишине вокруг я бы услышал обязательно.

Странное дело, ведь теперь ведь машины шмыгают за окном не переставая. Ну, если только глубокая ночь, часа два-три, тогда наступает какое-то затишье в поездках. А кто сказал, что сейчас не такое время?

Сел и понял, что с координацией у меня все в порядке. Но это движение получилось у меня как-то слишком просто, как давно уже не получалось из-за совсем другой массы тела, однозначно приходилось прилагать побольше усилий.

Я сижу на знакомой мне с детства кровати, узком раскладном кресле, на котором прошла вся моя молодость до поступления в военное училище. Да, это знакомое синтетическое покрытие, закрывающие голову с обеих сторон подлокотники, только его уже лет тридцать, как выкинули на свалку, это самое кресло кирпично-коричневого цвета.

И купили раскладной диван взамен.

Да, его не должно оказаться здесь, но голову не обманешь, когда имеется такое знакомое тактильное ощущение синтетической обивки под съехавшей простыней. Сижу своей задницей я именно на нем, даже нагнулся и нащупал в темноте среднюю ножку этого кресла. Ножка оказалась на месте, где

и должна стоять по жизни. Да и само узкое кресло не может оказаться ничем другим, больше я таких узких кроватей в своей длинной жизни не помню.

Кровати-полуторки помню, несколько штук, самое такое неудобное спальное место для начала романтическое совместной жизни. Когда еще все равно, на чем лежит твоя подруга.

После этого я сразу же встал, убедился, что меня не шатает, дошел до двери на балкон мимо шкафа, отодвинул занавеску и выглянул на улицу.

Да, это тот самый вид, которым я любуюсь уже примерно с тысяча девятьсот семьдесят второго года, когда наша семья въехала в эту квартиру. Правда тогда под окном росла целая березовая роща, а за дорогой бродили толпами лоси.

Тьфу, какими толпами? Стадами они тут паслись, однажды кто-то из взрослых умников повешал на деревья красных флажков и мы веселой гурьбой гоняли стадо лосей мимо этих флажков целый час.

Прямо, как бессмертные ситхи какие-то... Хорошо, что телят в стаде не оказалось, а умные животные снисходительно отнеслись к галдящей надоедливой мелкоте, только показывали здоровенными рогами укоризненно.

Когда-то наблюдал эту картину каждый день, теперь только тогда, когда приезжаю в гости к родителям, правда давно уже у них не оставался спать.

Мы так с папкой хорошо выпили, что ли? Это немного

объясняет происходящее, что я ничего не понимаю и вижу странные сны.

– Наверно, я у них заночевал, – решаю я, забыв на время про кресло из далекого прошлого и небритое лицо с тонкими руками.

Впрочем, зачем мне здесь спать, когда до моей квартиры пятнадцать минут пешком, дома любимый компьютер с новостями и танчиками, а я люблю ходить ногами, пусть и по ночному городу, да и с машины почти никогда не слезаю.

Как сел на первую в девяносто четвертом, так и не слезаю, поменяв их не одну сотню под своей бывалой задницей.

Но и перепить я тоже мог, много-то мне не требуется, не та конституция к алкоголю по жизни. Однако ни привкуса во рту, ни знакомого чувства ослабевшей координации после выпивки не имеется, это я точно чувствую.

Значит, точно не пил ничего.

Две широкие полосы знакомой дороги перед глазами, занесенные снегом и только одна расчищенная колея от проехавшей, как я и думал, снегоуборочной машины.

Светят несколько фонарей и едва освещают саму дорогу желтым светом, от которого я тоже отвык. Теперь фонари светят белым, гораздо более ярким светом от китайских диодов.

И тут я понимаю, что серьезно туплю сейчас, наверно, все-таки выпил лишнего или с головой все же есть проблемы.

Что и на балконе тоже густо лежит снег, а откуда он мо-

жет лежать, когда родители уже лет пятнадцать как закрыли весь балкон пластиковыми окнами и панелями наглухо, снег теперь здесь не должен появиться даже теоретически.

Нет, балкон полностью открыт всем ветрам, и я отчетливо понимаю, что-то здесь явно не то и не так обстоит.

Отсутствие щетины, тощие руки и грудь, старое кресло из прошлого, пропажа застекленного балкона, еще теперь я чувствую, что балконная дверь снизу очень неплотно прилегает к косяку, на босые ноги сифонит ледяным воздухом с улицы.

– Как это было раньше, – невольно вспоминаю я времена, когда дверь была из дерева.

Теперь я уже не хочу и дальше задавать себе вопросы, на которые не получаю никаких ответов, сразу же шагаю из комнаты, попадаю в знакомый темный коридор. На ощупь нахожу тройной пакетник выключателя и нажимаю крайнюю клавишу, которая именно для ванной.

Распахиваю дверь ванной и щурюсь от яркого света спр-сонья.

Щурюсь и пораженно смотрю на свое отражение в зеркале, вместо выше средней степени упитанности фигуры и широкого лица я вижу где-то гораздо ниже своего прежнего роста перепуганное, смутно знакомое мне лицо тощего паренька с копной волос на голове.

Глаза постепенно привыкают к свету лампы над входом, и я понимаю, что это или такой странный сон, или я вижу себя

самого лет в четырнадцать-пятнадцать!

Щипаю себя за руку, потом включаю кран и умываюсь холодной водой, однако лицо подростка продолжает смотреть на меня из зеркала и не пропадает никуда. Только теперь оно стало мокрым, поэтому я тянусь за полотенцем к вешалке.

Моя широкая рожа не возвращается ко мне вместе с телом, а про трицепс и бицепс грешно даже спрашивать, да и вешалка расположена как-то высоковато для меня.

– Это что же со мной случилось? – теперь такой ответ на вопрос меня очень интересует.

От потрясения я чувствую, что меня не держат ноги и сажусь на край ванны. Холодный край чугунной, неудобной ванны еще советского образца, зато такой устойчивый край.

Как я превратился в подростка? Почему превратился и кому это понадобилось?

Как мне жить в новом старом теле? Где прежний хозяин этого тела?

Панические вопросы бьются в голове и мешают сосредоточиться.

Сначала я забыл в смятении о том, что видел раньше и решил, что вернулся в свое время щуплым подростком, помолодев и потеряв в росте и весе.

Так я сижу и туплю минуты три, разглядывая тонкие руки и ноги, трусы давно забытого фасона, как мое внимание привлекает на полочке зубная паста Жемчуг, стилизованная под старину. Даже круглая коробочка зубного порошка имеется,

еще очень неказистые зубные щетки и сборный бритвенный станок отца, никаких Жиллетов здесь нет и в помине. Вижу пару больших бутыльков отечественного одеколona, которых уже и не найти в продаже. То есть, я давно таких не видел, а раньше ими пользовался отец после бритья постоянно.

Эту картину я давно уже позабыл, а вот сейчас вспомнил.

– Так это что? Я просто вернулся в прежнее тело и время, сейчас не две тысячи двадцать первый год? Если такая картина оказалась перед моим лицом, даже ванный шкафчик не покупной, а самодельный. Его еще отец смастерил году в каком-то там дремучем семидесятом.

Я выхожу из ванной, зажигаю свет и иду на кухню, где вместо последнего, специально купленного для крохотной кухни узкого холодильника «Беко» турецкого производства вижу знакомо-допотопную «Свиягу».

– И в ванной стиралки «Канди» нет, а там только она может под раковину влезть, я же ее сам родителям подарил! – вспоминаю я запоздало.

Да уж какая там стиралка-автомат, по всему отчетливо видно, что это не двадцать первый век на дворе!

По улице снова с лязгом проезжает уборочная машина, я приникаю к окну и отчетливо понимаю, что видел агрегаты такие давным-давно.

– Так, понятно, что я не в своем времени, но зато в своем старом теле, что гораздо проще для меня. Когда оно еще молодое. А в каком все же времени? И какая это реальность? –

на этот злободневный вопрос могут дать точный ответ газеты, которые отец постоянно покупает и читает, еще и меня этим делом заразил.

Как раз на столешнице самодельного шкафа лежит пара таких изданий, и я с трепетом в руках беру первую из них.

Сейчас что-то точно решится и я узнаю...

Это газета «Труд». И точно, как шутят уже давно, всего за три копейки, но я не смотрю особо на цену или содержание, меня интересует только дата на передней странице.

– Тридцатое декабря тысяча девятьсот восемьдесят первого года! Среда! – я сажусь с оторопевшим видом на колченогую табуретку и потрясенно смотрю на свои худые коленки, не зная, что мне теперь делать.

– До появления Горби три с лишним года, до запрета КПСС еще почти десять лет, до января девяносто второго, когда отпустили в первый раз цены – больше десяти с небольшим, до августа девяносто восьмого – еще целых шестнадцать, почти семнадцать годков. До появления биткоина – двадцать семь лет, времени подготовиться еще много, до момента, когда лучше бы закупить оптом все медицинские маски и санитайзеры в Питере и области – еще целых тридцать восемь лет, – понимаю я по своей привычке торговать.

Сейчас мне про торговлю думать рано, я еще восьмиклассник пятнадцати годков, но голова к ней уже хорошо подготовлена последними тридцатью годами жизни.

Глава 2 ГОРОД БУДУЩЕГО

На автомате начинаю перелистывать саму газету и вижу что-то про империализм, его коварные происки и военное положение в Польской Народной Республике.

Однозначно поднадоел нашим польским товарищам социализм во всех его проявлениях, да и друзья с Запада шлют деньги непрерывно борцам за свободу и демократию, чтобы свергнуть ПОРП с пьедестала.

Тем более, что Папа Римский сейчас поляк или станет им. Вроде, специально именно его выбрали, чтобы легче оказалось оторвать поголовно верующую страну от социалистического лагеря атеистов и воинствующих безбожников.

Да, трудно и почти невозможно строить социализм в стране, поголовно верующей в непогрешимого наместника бога на земле. Это не очень продумали такой момент товарищи коммунисты во главе с Вождем, впрочем такое массовое присоединение сразу десятка стран к социалистическому лагерю задумывалось по принципу – а куда они денутся?

А вот денутся, как пытались несколько раз...

Возня с листами газеты и чтение новостей как-то примиряют меня со случившимся:

– Ну, чего мне переживать? Биться головой о стену точно нечего! Карта легла отлично! Всяко лучше очнуться молодым и оказаться живым в своем прежнем теле, пройти заново свою новую жизнь с немалым багажом знаний и опыта, чем с прожженной дырой в груди лежать в могиле, – подвожу я итог своему расследованию.

– Теперь все прежде недоступные девчонки – наши! – можно и так сказать, понимая красочную перспективу будущего.

Накопленное и нажитое в прежней жизни имущество отойдет моим детям, родители помогут с этим делом своим внукам. Нормальное такое наследство, по квартире каждому, отдел тот же, машина сыну, да и наличка солидная имеется на картах. Они хорошо заживут там на том добре, что я заработал, зато я здесь тоже особо горевать не стану.

Как я попал или перенесся сюда – про это можно много думать и гадать, однако точно не получится прийти пока ни к каким убедительно однозначным выводам.

– От шаровой молнии это случилось или еще почему то?

Сейчас я не хочу заниматься такими теоретическими и теологическими вопросами, как переселение души через годы и расстояния. Хотя расстояния тут совсем никакие, где жил – туда и попал!

Голова пока совсем плохо работает, проще просто признать этот перенос и дальше уже по имеющейся одежке протягивать свои новые ножки. И создавать новые варианты развития полученной в подарок жизни.

Возможно еще появление рогатого демона или самого главного из плохих парней на сцене со непременными словами, что должок за комфортное оживание придется выплатить несомненно. Когда появятся, тогда и стану переживать об этом, тем более, что может, меня оживили как раз хоро-

шие парни, которые все в белом, а им закладная на мою душу ни к чему.

– Значит, мое старое тело там и лежит, а вот душа как-то переместилась в меня прежнего, лет так на, – я долго считаю годы и потрясенно подвожу итог, – на сорок лет назад... без пяти месяцев...

Почему именно на такой срок я переместился?

– Кстати, это еще очень хорошо, что именно на такой срок, – понимаю я про себя полезность знания прежней жизни. – Скоро время выбора будущей профессии, который зависит только от меня, а он теперь не останется прежним. Вернулся бы я в тело четвероклассника и еще четыре года с половиной ходил бы с взрослыми мозгами в школу, сидел за партой с другими детьми. Страшно себе такое прозябание даже представить. Перелетел бы на те же четыре года вперед и возможность выбора пропала бы совсем, осталось тогда только заканчивать военно-морское училище.

Ну, или отчислиться на третьем курсе, как я тогда размышлял и прикидывал, потом дослужить на флоте срочную и здравствуй, свобода!

Году где-то в восемьдесят седьмом – восемьдесят восьмом, там еще время есть что-то придумать.

Я наливаю из чайника всю кипяченую воду в чашку и выпиваю ее, что-то горло совсем пересохло, потом наливаю просто из-под крана воду в чайник, обратно ставлю греться на газовую плиту. Знакомых пятилитровых бутылей с арте-

зианской водой в продаже я теперь не скоро увижу на полках супермаркетов.

Да и до них еще лет двадцать придется подождать.

Поднимаю вторую газету и это, конечно, местная городская сплетница под громким названием "Маяк прогресса" за вторник, двадцать девятое декабря восемьдесят первого года.

От пережитых только что потрясений и невероятных открытий на голодный желудок мне вдруг очень захотелось поесть, я осторожно открываю шумно лязгнувший дверцей холодильник.

– Так, Новый год недавно прошел, судя по всему. Оливье еще есть, половина большой миски. Селедка под шубой – немного осталось, – и я вытаскиваю посудину, где осталось небольшая часть блюда, моего любимого по прошлой жизни.

Хлеб находится в деревянной лакированной снаружи хлебнице. Ее я помню, а вот вкус того черного уже давно забыл.

– Настоящий хлеб, теперь такого не купишь в Питере, если только в Нарве есть что-то похожее, – размышляю я, пережевывая селедку и обильно закусывая ее ломтями черного.

В Нарву я ездил последние пять лет постоянно и хорошо разбираюсь, что там есть и чего нет. Чертовы эстонцы умудрились сохранить гостовскую советскую рецептуру, улучшили и упростили ее, наверняка, с современными технологиями. Теперь производят в огромном количестве и приличном

качестве продукцию недавних оккупантов и продают им же с хорошей прибылью.

Съедаю все, что осталось на тарелке, потом вынимаю круглую, глубокую миску с маринованными грибочками и их тоже уплетаю все.

– Ну, чего мне переживать? – еще раз повторяю я фразу. – Всяко лучше очнуться молодым и оказаться живым в прежнем теле. Чтобы пройти заново свою жизнь с немалым багажом знаний и опыта, чем с прожженной дырой в груди лежать в могиле, – подвожу я еще раз итог своему расследованию.

– И еще из интересного, я всегда могу в новой жизни жениться на своей старой жене, – вспоминаю и перефразирую фразу из киношедевра моей юности.

Ну, на первой можно жениться, хотя, так ли будут мне теперь нужны эти страсти и терзания?

Последние лет тридцать я довольно просто относился к отношениям с женским полом. Хорошо, что третья жена смогла своей женской хитростью родить мне классного сыночка и потом лапочку дочку.

– А как же я теперь буду учиться в школе? Если все давным-давно позабыл? – накатывает на меня мгновенный испуг.

Я судорожно вспоминаю и с облегчением вздыхаю. Непонятные мне до конца жизни логарифмы и всякие производные из алгебры начинаются с девятого класса, насколько я

помню. И до него еще восемь месяцев жизни.

А с химией и физикой как-то справлюсь, да и не было вроде экзаменов в восьмом классе по этим предметам.

Не помню уже совсем такое дело, вроде перешел в девятый класс автоматом, даже от трудовой практики на полях соседнего колхоза ускользнул, как меня не напрягала класснуха на этот бесплатный трудовой подвиг. Принес справку от родителей, что должен присматривать за сестрой, раз мать допоздна работает на оборонном предприятии "Эра", крутит и собирает жгуты из кабелей для военной промышленности СССР. А отец уехал в командировку на Дальний Восток.

Ага, в командировку за длинным рублем, вот как это называется на самом деле.

Я чувствую, что вместе с едой тают испуганные и тревожные ощущения, вокруг меня все стабильно и надежно, как и должно оказаться в знакомом мне обстоятельно Советском Союзе.

– Впрочем мне придется очень много подумать. Хотя может и не придется в итоге, просто залетела душа в прежнее тело на пару часов, можно сказать, что на короткую побывку. А утром парень очнется, просто не сможет вспомнить, зачем вставал ночью и почему пропала селедка под шубой. Как бы в идиота не превратился от такого вмешательства, – решаю я.

И замерзнув гулять по кухне раздетым, возвращаюсь в свое кресло-кровать, но не знаю почему, от потрясения или

осознания новой жизни – засыпаю сразу, как только касаюсь головой подушки.

Ночью на самом деле мне снились какие-то прощально-тревожные сны, что я куда-то ухожу, опаздываю и никуда не попадаю.

Не мое ли новое сознание это пытается куда-то убежать? В мертвое тело? А какой смысл? Только повисеть над ним девять дней?

Утром меня будят на завтрак, уже часов в десять, совсем не рано, так ведь воскресенье сегодня.

– Сынок! Вставай уже! Блины давно готовы! – слышу я сквозь сон голос матери и, подняв голову, смотрю вокруг.

Что случилось со мной до этого момента, как я уснул, помню хорошо, смотрю на свою руку, такая же тощая веточка.

Пока мое старое сознание остается в молодом теле и это уже неплохо, нужно признать. Да просто очень хорошо, как тут еще скажешь! Если еще и зацепится как следует, так вообще отлично!

Сестра Варя уже проснулась, сидит на своем диване, рассматривая с важным видом ногу, я отчетливо понимаю, что новый мир никуда не делся.

А ведь имелись такие опасения, что это очень качественные глюки, с отчетливым вкусом селедки под шубой и старо-советского черного хлеба нашего городского хлебозавода. А при следующем пробуждении я обнаружу себя в своем немо-

лодом теле, в лучшем случае в реанимации, а в самом вероятном – в морге или в омуте на речном дне, густо облепленным матерыми раками, которых тут много водится.

Или буду смотреть сверху на тело, как и положено порядочной душе. Еще понимать при этом запоздало, что душа и правда в теле имеется, а после смерти пути у них расходятся радикально.

Впрочем, мне ли об этом переживать? Даже если это какая-то проекция или другая реальность.

Есть возможность еще раз прожить молодость заново, чего тогда кукситься и ворчать?

Только радоваться новой жизни! И прожить ее гораздо веселее и умнее! Не совершать старых ошибок!

Ну, хотя бы попробовать не совершать, без ошибок жизнь невозможна, особенно если она точно уже не окажется повторением прежней. Мои знания и мозги сохранились, так что поживем по-новому, веселее и богаче.

И старая жизнь оказалась неплоха, спорить с этим утверждением не стану, а теперь только от меня зависит, как можно прожить новую, данную мне еще раз непонятными обстоятельствами. Будем считать, что Господом Богом и его личной волей в виде посланной мне свыше шаровой молнии именно для хороших дел в будущем.

Про вмешательство темных сил или зеленых человечков думать не стану, пока они не появятся и не представятся, чтобы честь по чести.

Я сажусь на кресле, ищу взглядом свою одежду и вижу ее на стуле рядом. Одевшись, я смотрю на наручные часы на широком кожаном ремешке, которые лежат на письменном столе и грустно вздыхаю.

Да, теперь только так, время определяется не по смартфону, а именно по часам, они для этого и предназначены.

Хотя первый «Эриксон» появился у меня в девяносто шестом году, так что до эры появления мобильной телефонии в моей жизни не так долго осталось.

Еще столько лет примерно, как мне сейчас, да и в новой жизни я телефон пораньше куплю, это наверняка.

В том же девяносто третьем году нас с приятелем, путешествующих автостопом по Баварии, подвез немец на семерке БМВ, у него первого я увидел в машине встроенный телефон. Хороший человек оказался, я наобум сказал от балды место, куда мы хотим попасть и он провез нас лишние пятнадцать километров мимо своего дома. Немцы, вообще, мне показались очень человечными людьми за эту неделю путешествия, ну и интерес к советским людям у них тогда имелся серьезный. Еще одну неделю мы отработали на клубничной плантации по большому благу, с бесплатным проживанием в шикарном четырехзвездном отеле и полным столом. Даже завели там кое-каких друзей в городке Крумбах, в том числе местного мэра, до сих пор помню, как его зовут – Йозеф Бадер. Он нас и устроил на работу, а всего то нужно было хоть немного знать язык, зайти в центральное кафе городка

рядом с установленной и разукрашенной сосной по местным обычаям, и спросить бокальчик пива.

Скучавшие там немцы очень обрадовались таким туристам, долго гадали откуда мы и узнав, что мы студенты из Ленинграда, устроили нам проживание, питание и работу на целую неделю.

Наверно, давно уже мучились исторической совестью, вот и бросились ее успокаивать.

Приезжали на нас посмотреть из округи всякие жены дипломатов, работавших в СССР, даже старые немцы, воевавшие и выжившие как-то на Восточном фронте.

Потом мы добрались до Карлсруэ, максимально подальше на запад и уже там сдались, как политические беженцы из Узбекистана, неустомимые борцы с тоталитарным режимом президента Каримова.

Только потому, что у приятеля там проживала бабушка и он что-то знал про сам Ташкент.

Правильно сдались, кстати, другой мой приятель сделал это в Мюнхене и его вернули в бывший ГДР, в город Йену, где держали почти в лагерных условиях.

Эх, воспоминания полезли потоком!

Но пока это кажется непросто – пережить полное отсутствие возможного коннекта с кем и когда угодно, еще постоянного быстрого интернета всегда при себе. Теперь придется звонить приятелям, спрашивать, чтобы позвали к телефону и договариваться о встрече. Читать газеты с боль-

шим налетом идеологии, смотреть "Время" и "Международное обозрение".

Этот обязательный просмотр чуда советского телевидения – программы "Время" в училище реально отрывал от интересных дел. Типа чаепития с цельным батоном "городской", купленным в булочной около Балтийского, очень вкусным, когда свежий, да еще со сливочным маслом. Приходилось все бросать и тупо сидеть на баночке, табуретке по-морскому, по тридцать пять – сорок минут, слушая выверенные фразы диктора с правильной дикцией. Еще старшины, как мифические церберы, читать и даже разговаривать никому не давали.

Это же священнейшее мероприятие для каждого комсомольца или члена партии, из которого он узнает, как жить, строить и защищать наш справедливейший общественный строй!

Ну, и для кандидатов в члены партии большевиков, таких у нас всегда много имелось по профилю заведения, такое же необходимое занятие.

Варя отрывается от разглядывания поцарапанной где-то ноги, наверняка на ледяной горке во дворе досталось вчера и тоненьким голоском говорит:

– А я уже поела блинов! Вот как! Пока ты спал.

Забыл уже, любит она у меня поважничать и поучить старшего на шесть лет брата.

Раньше тискал ее, пока не запищит, а теперь вот пожалуй,

что и не стану, да и мать нервировать нашими ссорами ни к чему. Вот, уже первое осязаемое последствие других мозгов в моей голове, и не самое такое плохое для жизни.

— Ну и умница! — хвалю ее, понимая, что буду относиться к ней теперь гораздо лучше, не как к надоедливой маленькой сестре.

Теперь, как к своей маленькой дочке, пожалуй.

Одевшись в такую советскую футболку и тренировочные штаны, такие, которые с коленками, я задумался о неказистости своей повседневной одежды.

— Придется родителей раскрутить на несколько десятков рублей, а то и пару сотен, чтобы выглядеть немного лучше остальных приятелей. И себя прежнего.

На Ульяновку или Гостинку съездить что ли? С компанией побольше, чтобы не кинули. На Гостинке точно кинут, это я уже знаю.

Не сказать, чтобы я как-то выделялся в прежней жизни в худшую сторону среди примерно одинаково одетых сверстников в младших и средних классах. Все носят одинаковые вещи советского производства. Все же, у нас не Москва здесь, родители не у всех катаются в загранкомандировки, в общем-то ни у кого и не катаются.

Хоть и живем близко к Ленинграду, особо крутых мажоров вокруг пока не видно.

Да и не одинокая мать меня воспитывает, выбиваясь из сил на трех работах, как у остальных попаданцев в СССР,

чтобы исторгнуть, то есть, вызвать горькую слезу сочувствия из читателей.

Даже не детдомовский я согласно канону, вполне нормальная семья у нас.

Одно обстоятельство тут, правда, следует учитывать, родители у меня сами из деревни, у них нет понятия модной или красивой вещи. Главное, чтобы она, эта одежда и обувь, хотя бы имелась в наличии, а какая она на самом деле – не так важно.

Это после трудно-голодных сороковых-пятидесятых послевоенных лет в советской колхозной деревне.

Мать часто вспоминает, как нетерпеливо ждала по весне первый клевер, чтобы бабушка могла запечь его в какое-то блюдо и немного набить пустой живот. Года так до пятьдесят пятого ждала с нетерпением.

А отец вспоминает, как поработал во Львове на стройке один год и вернулся в деревню перед армией уже в костюме и пальто, как настоящий мужчина. Только за три года службы вырос из всех купленных вещей, такая вот незадача, все братьям перешло младшим.

Поэтому – одежда для них просто одежда, как для не избалованных жизнью в прошлом деревенских людей.

В общем они в таком деле совсем не секут и доверять покупку шмоток им лучше не стоит, это я точно знаю.

Впрочем, возможно, это было в той реальности, а я попал в другую и здесь все окажется не так.

Но может быть, что это я тогда не присматривался в таком возрасте к одноклассникам и приятелям?

Хотя, конечно, фирменные джинсы или импортные кроссовки на общем сереньком фоне советского быта сразу бросаются в глаза вместе со своими обладателями. Но это время, насколько я помню, начнется в девятом классе, я сам начну носить в школу вызывающие ярко-оранжевые джинсы, которые pošьет мама из какого-то фирменного, чуть ли не французского, вельвета. И буду бояться про себя, что кто-то из учителей выгонит меня с урока за вызывающий вид, хотя такого ни разу не случилось. Так и оранжевый вельвет особо под задней партой не видно, если не тянуть руку чтобы вызвали к доске.

Я ее особо не тянул, ждал всегда, когда самого вызовут.

А ровно через год в ОРС советской торговли нашего города выкинут внезапно много, целых шесть тысяч пар западногерманских фирменных джинсов, со странным названием F.US. Родители купят в большой очереди две пары, отцу и мне. Продавать их станут не так и дешево, как принято в Советском Союзе, ровно по сто рублей. В классе, кажется, у шестнадцати человек такие окажутся, очень сильно пропитанные и пахнувшие, как никакие другие. Немного старой спермой, как мне показалось тогда, когда их достали из фирменной упаковки.

Долго я буду их носить, пока на третьем курсе военной системы не сварю в хлорке, когда начну танцевать рокабилли

в кафе "Аленушка" на Фрунзенской. После чего они станут ярко-белого цвета, мать ушьет их до коротких трубочек, как положено настоящему стилиаге. С этого момента они протянут еще пару лет и благополучно развалятся после первого брака. Или во время его.

А сейчас вся молодежь в мое время в таких же точно коротких, ушитых брючках начнет ходить. Да, все возвращается, рано или поздно.

Вот и я вернулся зачем-то обратно в старую жизнь...

Эти воспоминания посещают мою и так озадаченную голову, пока я сижу в туалете, фантастически маленькой уборной типового советского дома, блочной пятиэтажки с балконами. Пока умываюсь и чищу зубы, потом мочу волосы и укладываю их расческой перед зеркалом и наконец захожу на кухню. Фена в доме нет, а я так к нему привык, привык быстро сушить голову. Придется приобрести в новой жизни обязательно.

Здесь пахнет блинами, тонкими и упругими, настоящим сливочным маслом, я наливаю чайной ложкой в них черничное варенье, заворачиваю в свертки и глотаю. Смотрю на мать в это время и нахваливаю блины.

Ей сейчас сорок один год, я уже и забыл, как она выглядела тогда, сорок лет назад.

Вполне молодая и энергичная женщина и мне становится хорошо, что я снова вижу это своими опять молодыми глазами.

Наевшись блинов и определившись точно, что сегодня третье января восемьдесят второго года, я начинаю собираться на улицу.

Нам, школьникам, еще отдыхать до одиннадцатого января, а родителям уже завтра на работу.

– Пойду погуляю с Жекой Козловым! – кричу я матери, заматываясь в шарф и надевая свои кожаные сапоги с мехом.

Денег я у себя на полке и в карманах я нашел только несколько пятаков, гривенников и один пятигривенный, говоря старорусским языком, в общей сложности на рубль. Поэтому прошу у матери пару рублей, чтобы не ходить просто так.

На самом деле я не буду заходить к своему приятелю, живущему в соседнем доме. Рано мне еще с кем-то из своих знакомых встречаться, я же полностью не в курсе, о чем с ними разговаривать, давно забыл темы для разговоров этого времени. Стоит понемногу начать вживаться в новую жизнь.

Я хочу прогуляться по всему нашему городу, пройтись по работающим магазинам, освежить наглядно в памяти цены, ассортимент и самих советских людей. Да и сам город вспомнить, что к этому времени построено, а что еще нет. Такое путешествие на машине времени – дорогого стоит для человека, выросшего здесь и тогда.

Очень волнительно для меня попасть в прежний СССР при позднем социализме, в мое детство, от которого у меня остались только самые лучшие и добрые воспоминания.

На всякий случай кладу большую гайку, найденную в инструментах отца, в карман черной куртки, изнутри утепленной белым коротким мехом. Куртку тоже мать пошила, как и многое в моей жизни.

А гайку так, на всякий случай прихватил, раньше никогда не носил в таком возрасте. Теперь я старый и опытный, жду проблем и неприятностей заранее, как уже много повидавший в жизни мужчина.

Глотнув морозного воздуха, выйдя из подъезда, я натянул коричневые нитяные перчатки, уже с парой дырок на пальцах. У мальчишек такие аксессуары быстро изнашиваются и портятся, если они ведут активный образ жизни, лазят везде, где нельзя и бросаются постоянно снежками.

Глава 3 ПЕРВАЯ ПОБЕДА ЗА ЯВНЫМ ПРЕИМУЩЕСТВОМ

Градусов двадцать мороза точно есть на улице, придется передвигаться от магазина к магазину перебежками и быстрой рысью.

Еще я хорошо помню про пару детских кафе по пути, в которых можно погреться и угоститься блинами.

Первым делом я захожу в универсам «Москва», он через дорогу от дома, метрах в ста от подъезда.

Полки заставлены крупами, трехлитровыми банками с соком, помню, что они в девяносто втором остались единственно не подорожавшим товаром в магазинах. С удовольствием пил томатный и сливовый соки, правда, с последних живот

урчал и бурчал как не в себе. Еще полки заставлены грузинским чаем, есть и конфеты в свободной продаже, в коробках и хорошо знакомые мне в прозрачных пачках по двести грамм, по семьдесят две и восемьдесят две копейки. Подороже – почти шоколадные, подешевле – более простые на вкус.

Очень вкусный хлеб по шестнадцать копеек и два вида батонов пекут в самом городе, на своем хлебокомбинате. В будущем его обанкротят и распродадут. Моему знакомому, который там числился директором, суд даст восемь лет условно за такие дела. Значит, очень хорошо распродали, на всех хватило.

Теперь на полках для хлеба в супермаркетах лежат его десятки видов, подозрительно напоминающие по вкусу советскую вату, рассыпающиеся сразу же на крошки и похожие на комбикорм.

Такова она плата за настоящую демократическую свободу – выбирать всяких много обещающих болтливых проходимцев вместо надежно проверенных и одобренных в обкоме людей. Теперь, правда, их одобряют в другом месте, но принцип отбора остался тот же самый.

В прозрачных холодильных витринах лежит мороженая рыба нескольких сортов, какое-то мясо, три вида сыра, "Российский", "Костромской" и еще какой-то забытый "Пошехонский" большими полукругами, сливочное масло огромной головой.

Красной рыбки свободно так не купишь, свежей и соле-

ной, как в супермаркете, да и икра в большом дефиците.

Конечно, разница именно между витринами социализма и капитализма меня потрясает. Здесь сотни товаров в наличии, там десятки тысяч, и все в красивых обертках, так и запрыгивают в корзину, ссылаясь причем довольно часто и назойливо на то самое советское качество.

Ну, вот сейчас как-то его особенно не ощущаешь на самом деле.

Какой-то выбор продуктов все же есть и родители мои, наверняка, при каждом визите в универсам радуются, где-то очень глубоко внутри себя, своему смелому решению уехать поближе к цивилизации от широких волжских просторов и зоны для особо опасных преступников около города, приносящей в городскую жизнь свою бластную романтику.

Эти же масло с сыром, уже нарезанные, завернутые в бумагу и взвешенные, лежат в корзинах, которые время от времени выкатывают женщины и девушки в белых халатах. Корзины обычные, почти такие же, как и сейчас, товар быстро расхватывается народом и сразу же растут очереди на трех работающих сейчас кассах.

В нашем городе с улучшенным снабжением советская торговля высоко несет знамя своих последних достижений, все магазины превратились в передовые универсамы с кассами на выходе и корзинами для покупателей.

В седьмом классе мы с моим лучшим приятелем Стасом, таким рискованным, но продуманным парнем, придумали

и проверили технику безопасного воровства из магазинов именно на этих конфетах в пачках по двести граммов.

Такая мальчишеская удаля, чтобы проверить себя в рисковом деле, почувствовать таким Робин Гудом наоборот и поесть вволю красиво упакованных в блестящие обертки шоколадных конфет.

На входе в каждом магазине стоят ящики с отделениями, где можно оставить свои сумки или вещи, чтобы не носить их по магазину и не подвергать потом возможному досмотру на кассах.

Обычные, ничем не закрываемые отделения, в которые советские люди кладут свои вещи, уходят бродить по залу магазина самообслуживания и стоять в очередях. Сейчас такие ящики в супермаркетах тоже есть, только уже с дверцами и хлипкими замками, закрываемыми на ключ.

Ничем не примечательную сетку с кошельком и рублем в нем мы оставляем в таком отделении на входе. Потом заходим в магазин с другой сумкой и, быстро положив в нее намеченную пачку шоколадных конфет, проходим через кассу, как бы сделав вид, что ничего не брали. А если все же тормознут с пачкой конфет, тогда говорим, что забыли деньги в той сетке, которая лежит в ящичке. Это в том случае, когда глазастая продавщица заметит, что у тебя что-то лежит из неоплаченного, тогда можно сослаться на свою забывчивость, только потом придется купить пачку.

Обычно продавщицам не до этого, чтобы проверять сум-

ки у приличных на вид подростков, с независимым видом проходящих через кассы.

Три раза получилось наестся конфет бесплатно, на четвертый раз пришлось заплатить, однако потом живой интерес к таким подвигам пропал. Себя проверили и хорошо, готовы морально к очень серьезным делам в будущем. Да и конфеты что-то приелись, после сразу целой пачки, даже на двоих едоков, во рту становится приторно, а в животе как-то нехорошо, начинает подташнивать, это ощущение я даже сейчас помню.

Какие-то конфеты все же не совсем качественные оказались, на сахарине каком-то состряпаны наверно.

Снабжение в нашем городе серьезно лучше налажено, чем почти по всей необъятной стране, всегда есть какая-нибудь колбаса по два двадцать-два тридцать за кило, даже апельсины попадают время от времени, сыры пары видов и сливочное масло в наличии всегда, воровства мало, уголовной братии в городе энергетиков почти нет и влияния она никакого здесь не имеет.

В отличие от почти всей остальной страны, где царят суровые блатные понятия на улицах, авторитетные воры учат жизни подрастающее поколение и происходят постоянные драки район на район. Когда на чужую улицу зайти без приглашения – это подвергнуть свою жизнь опасности, притом нешуточной.

Мы, конечно, ничего про такую странную для нас жизнь

не знаем, в газетах об этом не пишут, по радио не рассказывают и в книгах о советской действительности редко что-то похожее найдешь, только когда обличаются родимые пятна и пороки капитализма.

Что не все наши люди одинаково хорошие даже на седьмом десятилетии народной власти и с разной степенью радостью строят самый лучший в мире социальный строй, наш социализм. Правда, все же не с человеческим лицом, как в Польше или Сербии.

ТЬфу, она же сейчас – Югославия!

У нас тоже есть свои уличные авторитеты, обычно это стайка из несколько птушников, которые могут обозвать или отвесить оплеуху зазевавшемуся школьнику, если тому особенно не повезет. Сам я пока с таким делом не сталкивался в прошлой жизни до девятого класса. Когда пришлось пару раз перемахнуться с борзыми, только совсем неумелыми в драке птушниками. Настоящими аутсайдерами по жизни еще в учебе, да и в кулачном бою тоже.

А теперь? А вот теперь посмотрим, я тоже уже не прежний миролюбивый пацан, не очень уверенный в себе.

Дальше я иду в соседний микрорайон, в похожий универсам-близнец, в котором есть что-то новое из ассортимента, но в общем на прилавках лежит все то же самое.

Потом прохожу мимо своей школы, в которую тогда отходил десять лет, от звонка до звонка.

В тот раз отходил, в этой жизни еще подумаю об этом ва-

рианте. Тупить два лишних года в обычной школе мне уже не интересно, понемногу собираются разные мысли насчет будущей жизни. И на эти два года появляются другие планы, гораздо более веселые и продуктивные.

Да я за эту пару лет себе на комнату в Питере заработаю. Захожу ради интереса в универсам «Ленинград», рядом одноименный ресторан, в котором я проведу немало времени после первого развода в поисках веселья и случайных по-друг. Вместе с тем же возмужавшим к тому времени Жекой, так же быстро бросившим лейтенантскую службу в пыльном захолустном Чебаркуле.

То есть, уже вряд ли это случится именно со мной, по второму разу прошлую жизнь я досконально не особо горю желанием повторить, согласен удовольствоваться в этом случае одной памятью о прошлом. Да и жить я собираюсь в Питере теперь, если не уеду за границу.

Так и бреду по городу, мимо центра подводников дальше к ДК "Строитель", мимо ПТУ к главному промтоварному магазину города "Таллину", который работает сегодня до восемнадцати ноль-ноль.

Советская торговля не имеет права отдыхать столько времени, как простые трудящиеся, впрочем, что-то я путаю, похоже. В СССР новогодние выходные заканчиваются после первого января, хорошо еще, что в этом году второе и третье января – суббота и воскресенье, и так выходные дни по календарю.

Это уже при новой демократической власти два раза продлевали новогодние выходные и теперь не знают, что с ними делать, оставить так или перенести частично на майские праздники.

Пройдясь вдоль прилавков промтоварных отделов и оценив скромный, серенький ассортимент, я поворачиваю в Андерсенград, очень крутую копию старинной крепости в центре города, где вскоре стою в очереди за блинчиками со сметаной. Не то, чтобы я очень проголодался, однако желательно подольше погреться. Еще мне очень хочется вспомнить давно забытое ощущение довольно вкусной кухни в этом детском городке.

Наворачивая блины с мороженным и сметаной, я с удовольствием рассматриваю родителей с детьми в клетчатых пальтейках и шубейках из цигейки, отмечая лица симпатичных мамочек по привычке, когда замечаю пару знакомых курток местного хабзая, мелькнувших где-то около входа.

Эх, как хорошо сидеть здесь и наворачивать блины по сравнению с исчезновением где-то в пространстве.

Забыв про них, доедаю блины, выхожу на улицу, спускаюсь мимо старинной пушки вниз, когда слышу сзади нагловатый и хриплый голос:

– Эй, малой! Подожди-ка!

Поворачиваюсь и вижу эту пару птушников, выходящих из тоннеля под верхней частью крепости.

Тоннель постоянно используется как туалет нетерпеливы-

ми гражданами и там всегда здорово невкусно пахнет.

Один, который повыше, курит с крайне деловым видом, второй, ростом почти с меня, выжидательно смотрит на мое лицо, отыскивая на нем эмоции испуга и страха.

Ага, спрятались тут перекурить и я как раз мимо прохожу, поэтому решили докопаться. Думают, что может получится денежкой разжиться на халяву, поднять свой статус в своих же глазах.

Раньше я бы немного струхнул, не зная, чего ожидать от непонятной ситуации, но вот с новыми взрослыми мозгами делать этого не собираюсь. Пусть я внешне маленький паренек, однако и противники не сильно крупнее меня, хотя и постарше, как минимум, на один год. А уверенность у меня уже есть, за долгую и боевую жизнь накопилась, пусть я и не вешу сейчас девяносто кило, а примерно раза в два поменьше.

– Чего вам? – спокойно спрашиваю я подходящих подростков.

– Слушай, деньги есть? Есть немного? – настойчиво спрашивает курящий и тоже глядит мне в лицо, ожидая увидеть неуверенность или испуг.

Сейчас я скажу, что нет, тогда они предложат поискать, поэтому отвечаю уверенно, что для меня теперь совсем не трудно:

– Есть, конечно! Что я, нищий какой-то, что ли?

Опа, уверенный голос и интонация показывают мелким

шакалам, что жертва не чувствует себя жертвой, поэтому обобратить ее затруднительно. Они мнутя и делают вид, что готовы отстать с претензиями, раньше я бы ушел очень счастливый, но вот сейчас мне этого уже как-то маловато будет.

Пора дать им прикурить, чтобы узнавали издалека и не лезли с такими наглыми предложениями, как поделиться монетой, к будущему авторитетному парню.

Нужна победа за явным преимуществом, чтобы крылья за спиной выросли и уверенность перла из меня.

Я себя самого, конечно, не вижу сейчас, но перед моим взрослым и циничным взглядом мнутя двое щуплых девятиклассников, решивших срубить немного денег с невысокого подростка. Может быть, что они рискнули на такое дело первый раз в жизни, наслушавшись рассказов более старших и опытных товарищей, как щипать мелочь у мелких.

Хорошо бы им выписать прививку от попрошайничества именно сейчас, сломать на взлете, так сказать, криминальной карьеры. Вылечить и вернуть обществу полноценными людьми.

Поэтому я добавляю презрительно:

– И чего вам надо, бедолаги?

Парни понимают, что наезжают уже на них, лица становятся решительными, все же их двое здесь и они старше.

Но я больше ничего не жду, давно зажав в кармане куртки гайку в левой руке, легко сокращаю дистанцию, корот-

ко и увесисто безо всякого предупреждения бью курящего по правой скуле. Кулак с тяжелой железкой прикладывается, как надо, сигарета вылетает изо рта парня, как бенгальская свеча. Совсем не ожидавший такого развития диалога птушник валится в снег и еще ударяется лбом об утрамбованный наст.

Неужели я его таким ударом из сознания выбил? Похоже, что выбил, упал он без контроля своего тела.

Второй поднимает руки достаточно неумело, ему я тоже быстро с ходу пробиваю двоечку, он не падает, потому что готов и просто отскакивает после ударов.

Сверху кто-то кричит басовитым мужским голосом, перегнувшись через каменное ограждение:

– Эй, мелочь! Ну-ка, прекратили драться! А то сейчас спущусь! Уши надеру!

Надо же, наша мелкая разборка привлекла внимание общественности, которая здесь – сила, а именно усатого мужика в меховой шапке с поднятыми ушами. Вон и второй к нему подходит, с интересом смотря вниз.

Пора уносить ноги, добивать никого не требуется, птушники превратились неожиданно для себя в потерпевших и ничего больше не хотят. Я сразу же поворачиваюсь и иду мимо пустого сейчас бассейна к парку Белые Пески, чтобы убежать, если что.

Но никто за мной не бежит, второй парень поднимает длинного, и они тоже уходят с места стычки вокруг крепости

в другую сторону.

Я же на подъеме настроения забираюсь на самый верх горы, где смотрю на метеоритный кратер, который кажется мне очень большим и глубоким. Сейчас в середине дня он весь усеян детворой, малышня катается с визгом на картонках, ледянках и санках. Коварно опасных для стоящих и не ожидающих внезапного удара по ногам ватрушек еще не изобретено и не запущено в производство...

Не знаю, захочу ли я теперь здесь кататься, как раньше. Да и вообще, несоответствие моего тела теперь моей голове меня серьезно пугает, как я буду чувствовать среди одноклассников? И какие чувства станут вызывать одноклассницы или девочки постарше? Раньше вызывали живой и неподдельный интерес, а как будет сейчас?

Не окажется ли этот интерес своеобразной формой педофилии?

Вчерашний день с рыбалкой и шаровой молнией понемногу рассасывается в моей новой голове, а то, что я вижу вокруг себя сейчас, все более наполняется настоящим вкусом и цветом.

До какой же стадии дойдет мое вживание в тело подростка?

Я иду по верху парка, обхожу катающихся и на основном спуске вижу несколько смутно знакомых парней, но не подхожу к ним. Кататься откровенно холодно, поэтому я спускаюсь вниз, захожу сначала в овощной, где у меня когда-то

стоял фотоотдел, рассматриваю страшноватые с виду овощи и фрукты советского плодоовощного агрокомплекса.

В самую старую часть города я решил не заходить сегодня, уже замерз порядочно. Еще опасаясь встретить тех же птушников с группой поддержки возле кинотеатра или кафе "Дюны". Лучше я сегодня останусь в победителях за явным преимуществом, а там дальше посмотрим.

Поэтому возвращаюсь домой, по дороге навестив еще один универсам, тот самый, где мы со Стасом приноровились воровать конфеты. Конфеты лежат на месте, однако никакого криминального интереса предсказуемо у меня не вызывают.

Вечер провожу дома, размышляя над своей судьбой и выборочно рассматривая книги в книжном шкафу. Из особо интересного вижу "Черный обелиск" и "Трех товарищей", которых где-то по большому благу достал отец.

Слушаю его рассказы о прошлой жизни, задав сначала наводящие вопросы, потом мы ужинаем все вместе на крохотной кухоньке, смотрим черно-белый телевизор, какой-то неинтересный мне фильм.

Вечером я долго читаю книгу Ремарка в своей комнате при свете настольной лампы и внезапно меня осеняет.

Ведь почти все книги классика именно о нем самом, про его личную жизнь. Вот молодец, описал свое прошлое, немного сгустил краски и добавил интересного, пусть и не совсем своего.

Если прочитать внимательно "На Западном фронте без перемен", то кажется, что писатель пару лет провел в окопах, а на самом деле пробыл там всего полтора месяца до ранения и больше на фронт не вернулся. Но впечатление создается именно такое, ощущение полной сопричастности к происходящему в окопах на протяжении долгого времени.

Это и есть писательский талант, с чем никто спорить не станет.

Кроме "Время жить и время умирать" и еще книги про концлагерь, все остальные – это именно про него самого, насколько я помню. Ну, еще про гонщика под вопросом, какое-то отношение к гонкам Ремарк имел, только я этого не помню точно уже, больше не спросить в Википедии и у Гугла.

В каждой книге свой любимый алкогольный напиток, заканчивает повествование он в Нью-Йорке русской водкой и этнически русской подругой Наташей, как высшей ступенью своей эволюции. Что довольно символично после самой Марлен Дитрих.

Тоже такой своеобразный попаданец-беглец в совершенно новый для него мир широких авеню, белозубых ослепительных улыбок, кадиллаков и полного отсутствия войны вокруг. И эсэсовцы вокруг – только актеры в мундирах.

Потом откладываю книгу, долго смотрю на темное окно, оглядываясь время от времени на сладко спящую сестренку. Мне требуется много, о чем подумать и много чего решить

про свою новую, старую жизнь.

После этого беру сдвоенный листок бумаги, на нем пишу на всякий случай, если забуду, конспект того, что случится в будущем, знание которого мне поможет по жизни. Вдруг пропадет полностью моя память о будущем, когда сознание взрослого мужчины окончательно устаканится в теле, а на поверхность вынырнет мое подростковое сознание. Пишу долго, вспоминая почти по дням свою жизнь. Листок прячу в одну из книг на своей полке, у меня их там немного, всего пятнадцать штук.

Сегодня я успешно подрался, потому что внутри меня не прежний добродушный паренек, не умеющий отстаивать свою точку зрения, а взрослый и жесткий мужик, прошедший по жизни и Крым и рым.

На самом деле, если с технической точки зрения, отстаивать свое достоинство мне не так сложно.

Ведь я уже ровно три года с середины пятого класса занимаюсь боксом, даже имею на ринге кое-какие успехи.

Год назад в седьмом классе я выиграл Всесоюзный турнир «Мирный атом», проводившийся в нашем городе. Выиграл очень легко и безо всяких проблем побил сначала какого-то парня из Москвы, в финале другого соперника, носящего интересный титул – чемпион города Пикалево. Не знаю, такой ли это город, чтобы хвастаться этим достижением, теперь у меня есть грамота за первое место в категории до сорока килограммов. Да, до сорока килограммов и в седь-

мом классе это не то, чтобы совсем маленький вес, но гораздо ниже среднего по классу.

Даже не так, просто одноклассники, довольно многие из них, начиная с шестого класса обогнали меня по росту на одну-две головы и теперь весят по шестьдесят-семьдесят кило. Правда почти все они ушли в специальный класс для дзюдоистов в соседнюю школу, я встречаю их не так часто, тем более, что проблем с ними никаких не имею. Отношения вполне приятельские, правда смотрю я на них сильно снизу вверх.

Однако сейчас в восьмом классе маленькие рост и вес, и еще отсутствие тяжелого удара не то чтобы сильно отравляют мне жизнь, но тут есть над чем упорно поработать и исправить. Есть над чем попотеть и, возможно, поправить в своей новой жизни, чтобы наметить новые рубежи, к которым мне стоит стремиться.

В девятом классе я вытянусь до метра восьмидесяти в росте, стану выше среднего, но останусь очень тощеньким по фактуре пареньком, пусть и довольно жилистым.

Даже на пятом курсе военно-морского училища моя будущая супруга с некой печалью в томном взоре говорила мне не раз, что из мужского у меня только шея и член. А тогда я уже весил шестьдесят восемь кило, что тоже явно недостаточно для моего роста.

Она то, за свою крайне буйную биографию привыкла к более плотным мужикам на себе и рядом с собой, но на че-

тыре года ее терпения на меня хватило и за это ей спасибо.

Тогда я не понимал, что сделать, чтобы поменять ситуацию в свою пользу, но теперь знаю, что полгода упорных занятий и мышцы понемногу раскроются на теле. Еще, конечно, требуется обильное и хорошее питание, теперь матушке придется готовить немного побольше для своего сыночка, который станет лопать за троих.

И впахивать в зале бокса, в том самом ПТУ, на немногих имеющихся там силовых снарядах не отлынивая.

И начну именно завтра впахивать, на каникулах тренировок у нас нет, зато тренера открывают зал в двенадцать часов дня до шести вечера, так что мне будет чем там заняться.

Глава 4 ИСТОРИЯ МОЯ

Это моя программа-минимум, именно то, что я придумал на скорую руку, чтобы вступить в будущую жизнь с более тяжелым ударом и повышенным весом для подтверждения солидности своих слов.

Не сказать, чтобы без этого в жизни не так нормально мне живется. В принципе, драться вообще приходилось не часто, если не особенно обращать внимания на всякие поводы. Но вот если внимательно обращать, тогда придется в каждом новом мужском коллективе себя ставить, а что может быть проще, чем отвесить пару хороших плюх борзому наглецу?

Это в военном училище такое дело не приветствуется в принципе, а на новом пути к взрослой жизни очень даже жизненно необходимо окажется, в этом я уверен на сто про-

центов.

Тем более, что есть у меня знакомый парень, ничем не отличающийся от меня внешне. У него репутация драчуна и заводилы, хотя он даже боксом не занимается, просто характер у него ершистый и гонор задиристый имеется.

Весьма популярен среди сверстников и девчонок, что мне еще требуется для чистого, незамутненного счастья в своем пятнадцатилетнем теле?

Пока, в этом возрасте – самый простой путь к успеху, немного драйва, девичьего внимания и уверенности в себе.

Главное для меня – это совсем не то, каким крепышом я стану через полгода, можно еще три месяца летних каникул туда прибавить, которые я проведу в деревне у любимой бабули, провисеть на самодельном турнике и отжиматься с отягощениями.

В прошлой жизни предки уговорили меня поехать к другим бабушке и дедушке на Украину, в этом такого залета не случится точно, это даже не обсуждается. Теперь только к любимым дедуле и бабуле, я очень хочу их снова увидеть.

В общем, мне можно кое-чего добиться, работая над собой и своим телом беспощадно и постоянно.

Там еще и симпатичная троюродная сестренка окажется, скорее всего, моя ровесница по возрасту. С ней то я проведу первые уроки поцелуйного искусства, если в городе никого себе не найду. Да и если найду – это же совсем другое дело и измерение, да и местности совсем разные, так что – вообще

не считается.

А найти, хотя бы для прогулок под ручку – очень желательно, тем более с моим то теперь хорошо подвешенным языком и пониманием женской логики не может не найтись такая достаточно симпатичная девушка.

Главное изменение в жизни теперь состоит для меня в том, что я очень отчетливо понимаю – сидеть еще два очень долгих года при родителях и посещать среднюю школу мне точно ни к чему. Корпеть на алгебре над логарифмами и прочими производными я не стану, они мне негодились в прошлой жизни, не пригодятся и в этой, знаю это наверняка.

Как, в принципе, даже диплом инженера-электромеханика, специалиста по вооружению кораблей не пригодился ни разу, а сколько пришлось стараться и потеть на экзаменах, отказывать себе в житейских удовольствиях из-за одной ошибки юности. Страшно представить, особенно для такого впечатлительного человека, с моим-то высоким уровнем фантазии.

Конечно, это только сейчас так мне все понятно. А тогда, в восемьдесят четвертом году во время выбора будущего молодым пареньком после десятого класса с проявленными весьма средними способностями, в то простое еще совсем время, когда никто и не подозревал о скорой смене общественно-социального строя, выбор оказался непростым.

Ну, кто-то точно знал, что скоро социализм закончится, однако делиться такими откровениями с народом отнюдь не

спешил, да и желания такого не имелось в принципе, это знание стоило держать в строжайшей тайне.

Я же сам, проштудировав список ВУЗов Ленинграда, не нашел для себя ничего привлекательного, только одно заведение, Институт Киноинженеров, привлек мой взгляд на тот момент. Потом оказалось даже, что отчисленный из нашей системы может легко восстановиться именно в этом институте, тем более, что даже на тот самый курс, с которого отчислен.

Больше, по рассказам бывших курсантов, нигде так не баловали нашего брата.

Я прямо как почувствовал, что это самое стоящее место во всем Питере, если уж тебе так невтерпеж получить высшее образование и весело провести институтские годы.

Так что, теперь размышлять над своей жизнью я буду уже в условиях полной своей осведомленности нашего будущего, моего и целой страны.

А изучение логарифмов путь идет на хрен, бесповоротно и окончательно!

Нет, разок умение брать производные как-то спасло меня от пары на первом курсе нашей бursы, на экзамене по высшей математике, все три вопроса на котором я успешно завалил. Не знаю, успел ли преподаватель посмотреть в мой послужной список, имеющийся на каждого экзаменуемого курсанта или нет, двойкой за экзамен тогда весьма зримо пахивало, а ротный командир смотрел на меня тяжелым,

немигающим взглядом.

Как на члена сборной училища по боксу, который и так не ходит в наряды, не несет тяготы и лишения воинской службы в полной мере, не стоит в оповещении, а просто и беззаботно пинает свой детородный орган в спорткомплексе на мягких матах. Пока все остальные бегают на довольно напряженной зарядке и убираются в положенных по расписанию местах.

За всю учебу, за все пять лет в училище на зарядке я побывал всего один раз и такие нагрузки мне очень не понравились, честное слово. Потом даже если родной спорткомплекс иногда не работал, обычно по началу учебного года или летом, я все равно исчезал из роты до подъема и просто шхерился в учебном комплексе, ожидая окончания всех этих процедур и построения на завтрак.

Производные я успешно взял, спасибо молодому преподавателю математики из нашей школы, которого мы звали созвучно имени и отчеству Бокал Стаканычем, который смог научить меня этому делу на твердую четверку.

Так что вопрос с происхождением именно из рабочего класса и членством в сборной училища, вполне возможно так и оказался подробно не рассмотрен в тот раз.

Училище мое командное подводное оказалось довольно бластным заведением, с конкурсом примерно семь человек на место. Кроме нахимовцев, военнотружущих, поступавших со срочной службы, национальных кадров из Киргизии, Армении и Узбекистана, еще спортсменов, успевших зара-

нее отметить со своими достижениями на кафедре спорта, как я, например, остальные поступившие почти поголовно оказались блатными детьми военнослужащих, имевших непосредственное отношение к военно-морской службе. Или просто умными, подготовленными парнями с тягой к той же военно-морской жизни.

То есть, в основном тоже блатными, но уже по своим отцам. И отцы эти, конечно, в основном тоже не из рабочих и крестьян, из сложившейся уже военной касты Советского Союза. Из-за чего в нашей военной системе, декларируемой на самом верху как рабоче-крестьянская Красная армия и такой же военно-морской флот, с заметным почтением относятся к таким достаточно редким самородкам из настоящего пролетариата.

Нас во взводе оказалось таких всего двое, зато с нами учился еще парень из настоящего белорусского крестьянства. Единственный не только на нашу роту, но и пожалуй, что на весь поток в триста человек. Правда, он оказался близким земляком ротного командира и, как это получилось не удивительно, еще и потом женился на его дочери, ленинградской отличнице.

Впрочем, кэп даже свою племянницу пристроил за одного из наших залетчиков, редких талантов оказался человек.

На своем, можно сказать, что месте, хоть и подкаблучник первостатейный по жизни, как я потом наглядно убедился.

Ну, это уже его личная жизнь, службу в роте он организо-

вал, как часы со своим немалым опытом ротного командира жестко всех построил и погнал вперед на мины обучения. Слава богу, что я попал в другую роту параллельного потока, не к такому прошаренному умельцу. Наш кэп раньше служил при комендатуре на Севере и замечательно умел доводить почти до обморока залетчиков одним своим изменением тона своего голоса, но вот так искусно натягивать вожжи управления своей ротой не умел.

Зато на начертательной геометрии, о предмете которой я имел самое смутное впечатление, я был отловлен со шпорой и сделал только одно задание из трех, вполне допуская, что и его порешал неправильно. Поэтому с немалым таким основанием ждал первой двойки, а когда во взводе было объявлено о четырех таких предновогодних подарках, заранее сильно загрустил. Приготовился принимать в повинную голову недельное сидение в училище в первом отпуске для пересдачи совсем непонятного и на хрен мне не нужного предмета.

В итоге мою фамилию не назвали и это оказался один из самых ярких моментов счастья в моей прошлой жизни.

Однако преподаватели дополнительно отметили, что я не получил пару только за свое рабочее происхождение, чем я сразу же загордился перед остальными парнями во взводе.

Все же хорошо иметь изначальное конкурентное преимущество из-за своего происхождения, отпуск теперь весь твой до последнего денька, да и насчет остальных экзаменов гораздо более спокойно себя ощущаешь.

Получается такая боярка наоборот. Когда получаешь бонус за свою социальную незнатность в декларируемом государстве победившего рабоче-крестьянского пролетариата. Кого они в итоге победили – остается за кадром.

Вскоре я оказался не только с происхождением из рабочего класса, членом сборной училища, но еще и членом бюро ВЛКСМ роты То есть, получил полную индульгенцию заранее, так что никакие двойки на экзаменах больше мне не грозили от слова совсем.

Такая вот интересная политика у руководящей и направляющей силы нашего общества меня, честно говоря, очень порадовала своим настоящим классовым подходом. Все же есть что-то притягательное во всей этой истории и времени для настоящих представителей рабочих и крестьян. Хоть где-то за простое происхождение, если не из совслужащих, дают что-то весомое, как настоящему гегемону. Хотя бы не ставят заслуженные двойки по предметам.

Ибо технические дисциплины я бы точно не сдал, если бы меня спрашивали серьезно, хотя закончил школу выше четырех баллов в среднем по аттестату. Что же после этого говорить о национальных кадрах, почти не говоривших по русски и о таблице умножения имевших примерно такое же смутное понятие, как и я о той же начерталке. И про курсантов, поступивших в систему со срочной службы, давно уже забывших школьный курс, из которых, правда, половина все же закончила училище и разъехалась служить по флотам на-

шей необъятной родины, совсем скоро ставшей не такой уж необъятной.

Так что в военной системе учеба оказалась не так важна именно для меня, как правильное происхождение, дисциплинированность и отсутствие залетов, что как раз и характеризовало мое поведение. Умных парней у нас тоже хватало, их еще заставляли брать шефство над отстающими в учебе курсантами, так же пролетая мимо увольнения вместе со своими подопечными в случае получения теми законных двоек.

Слава богу, такое закабаление по примеру римских легионов практиковалось не в нашей роте.

Не сказать, чтобы я оказался таким уж дубом в учебе, но технические дисциплины с трудом сдавал на тройки, потенциально близкие к двойкам. Ну, если честно, просто на двойки, откуда их легким движением руки превращали в проходные тройки.

Зато абсолютно необходимые для каждого настоящего воина-комсомольца предметы – Историю КПСС, Научный Коммунизм и Марксистско-Ленинскую Философию, она же МЛФ – всегда сдавал на твердые пятерки, как и достаточно сложный Морской устав с Тактикой ВМФ Советского Союза.

То есть, оказался я по жизни настоящим, бескомпромиссным гуманитарием, так что никакие технические ВУЗы, технари и прочие серьезные заведения меня теперь совсем не интересуют от слова вообще.

В этой истории я переберусь в Ленинград на пару лет раньше, чтобы избавиться от родительского присмотра и начать взрослую жизнь согласно имеющимся у меня в голове мозгам и знанию будущего.

Ни в каком высшем заведении учиться не подумаю и сдавать математику тоже не придется ни разу, слава богу.

Кстати, даже на техникум время тратить не стану, ни к чему мне это, я точно знаю. Останусь, скорее всего, даже без среднего образования, что совсем какой-то нонсенс по тем временам для ребенка из приличной семьи непьющих родителей.

Во всяком случае в нашем благоустроенном городе, что там творится в сельской местности и далеких от цивилизации городах – не знаю. Думаю, что там таких товарищей тоже хватает.

Впрочем, у самого сын даже среднего образования не получил, бросил техникум на третьем курсе, ушел сначала в официанты, потом в рекламщики. Теперь живет на Бали, учит полтора миллиарда индусов надежно и с гарантией выигрывать на ставках в интернет-казино.

Очень расстрою отца своим выбором, я это предчувствую. Он мечтает меня в военное училище пристроить, как и вышло в той жизни, повелся я на его уговоры про большую зарплату подводников, про отдых по три месяца на юге, из них один обязательно в военном санатории. У него самого мечта имелась стать офицером ПВО и учиться в Минске, да не

сложилось у бати из-за залета в самоволке, кстати проведенной с моей матерью.

Решил самореализовать свою мечту на сыне, которому оказалось тоже интересно учиться в достаточно престижном заведении.

Именно в здании бывшего приюта принца Ольденбургского, где при кровавом царизме дети-сироты клеили спичечные коробки. Где когда-то учились Пикуль и Виктор Конецкий и которое, что очень немаловажно, находится всего в пятисот метрах от хорошо знакомого Балтийского вокзала.

Только я теперь знаю, что никакого смысла просиживать штаны в училище больше для меня нет, чтобы пять лет в казарме от настоящей жизни, от радостей взросления и девчонков в таком городе, как Ленинград, прятаться. Да и потом, года с девяносто второго, когда все здание социализма рухнуло и раскатилось по кирпичикам, до двухтысячного примерно года военный народ станет очень печально в финансовом плане жить.

По-настоящему впроголодь, по рассказам парней и их жен, так что – не мой это выбор в такое интересное для жизни время!

Да и прошел я уже этот период в прошлой жизни, спасибо альма матер за все, что случилось со мной там, за школу жизни и возмужание, за симпатичную форму и плохонькую, но терпимую еду в курсантской столовой.

За то, как нас кормили в местах многочисленных практик

и стажировок – благодарить не стану, почти везде это трехразовое питание реально оскорбляло человеческое достоинство, иначе такое и не вспомнишь.

Однако, преодоление тягот и лишений военной жизни второй раз меня не очень интересует, с этим делом я и так отлично знаком на личном опыте.

В том же девяносто первом году я буду месячную зарплату подводника делать за один день, правда достаточно тяжелого и нервного труда. А когда выберусь челночить в Польшу, то и до тридцати зарплат за недельную поездку будет выходить без проблем.

Вскоре я уснул на своем креслице, снятся мне первые в училище танцы, когда я, еще лысый первокурсник, с завистью смотрю на шевроны четвертого курса и все девушки в зале кажутся очень красивыми.

Такие, в платьях и на каблуках, со стройными ногами, как сейчас еще можно увидеть на танцах в синеокой Беларуси.

Утром родителей дома не оказалось и я, позавтракав как следует манной кашей, присматривал за сестрой до обеда, перечитывая Ремарка. Потом ушел по легкому морозу в здание профтехучилища на первую тренировку в новом году и новой жизни.

Пришел в хабзай самым первым, поздоровался со вскоре куда-то убежавшим тренером и некоторое время хожу по залу, прикидывая, что тут имеется из гантелей. Штанга с блинами в наличии, правда, стойки для нее нет, значит при-

дется просить кого-то подавать гриф себе лежащему. Есть несколько гантелей и еще тяжелые биты, чтобы стучать ими по грузовым шинам в качестве отражающего элемента.

Вот это – отличное упражнение для тренировки рук и плечевого пояса, я занимаюсь с битами, переходя на гантели или штангу. Через час тренировки кисти и локти отваливаются, однако я крайне доволен собой, регулярные занятия однозначно наляют мои руки тяжестью. Прошу появившегося приятеля по прозвищу Буратино подать мне штангу и работаю с одним грифом три подхода.

В общем, раскачиваюсь как следует, после такой нагрузки нет смысла стоять на лапах, как мне предлагает тренер и я возвращаюсь домой, где плотно обедаю и ложусь поспать. Вскоре меня будит появляющаяся в дверях квартиры ревушая сестренка с огромной шишкой на лбу, и я спускаюсь творить возмездие на нашу ледяную горку перед домом.

Кто ее сбил, мне рассказывают доброхоты, поэтому я нагоняю случайного виновника Варюшкиных слез в подъезде и некоторое время воспитываю, пока сам не довожу уже его до слез.

Вот не помню, придут его родители к моим разбираться или нет?

Возвращаясь на горку, встречаю своего приятеля и однокашника Жеку Козлова, теперь радуюсь жизни вместе с ним до самого вечера, с опозданием вспомнив, что собирался прогуляться в старую часть города для полного ознакомле-

ния моей памяти с тем, что там имелось тогда.

Старую, потому что она застроена двух- и трехэтажными желтыми домиками, такими своеобразно отличающимися по сравнению с остальной его частью.

Договариваемся с Жекой завтра сходить в кино на двенадцать часов, даже не зная, на какой фильм и я иду домой сушить обувь и куртку.

В нашем кинотеатре начинается завтра какой-то фестиваль иностранных фильмов и все они для нас, школьников, как глоток свежего воздуха – то грудь женская мелькнет на экране, то настоящие ужасы показывают.

Что я отчетливо чувствую, так это то, что у меня нет очень уж большого расхождения между молодым телом и умудренной опытом головой, пока меня такая ситуация несказанно радует. Нет никакой радости в том, чтобы смотреть на ровесников и интересующие их занятия с утомленным видом молодого старичка. Так и от тебя самого все шарахаться начнут из-за повышенной взрослости и занудности. Я радуюсь новой жизни, прежнему телу и с удовольствием дышу морозным воздухом, ловко слетая по хорошо укатанной ледяной горке на ногах.

На следующий день с утра чувствую, как пробуждаются ноющей болью мои руки и плечи, на их фоне мышцы груди стонут тихо и не назойливо. Сегодня придется дать отдых мышцам и тренироваться в перчатках, но это уже после обеда.

Пока мы встречаемся с приятелем, то есть, я захожу к нему и под нескончаемые советы его матери мы уходим из дома. Есть у нее такое пристрастие – очень переживать за сына, ведь его старший брат маленьким провалился в люк на дороге после дождя и утонул. Поэтому за Жеку Татьяна Никаноровна переживает гораздо больше, чем положено, портит мне приятеля своей добротой и неустанной материнской заботой.

Морозы уже спали и до кинотеатра мы идем пешком, заходя на горку Белых песков и пройдя котлован, снова возвращаемся на тротуар. Я помню, что раньше, гуляя с Жекой, мы часто нарывались на всякие недоразумения с местными птушниками или дворовыми авторитетами, поэтому собираюсь начать его перевоспитание в моем теперешнем духе.

В принципе, Жека неплохо дерется, тоже отзанимался пару лет на боксе в младшей группе, но к сожалению он изрядно робок и теряется от наглых наездов. Впрочем, я тоже в бой не кидался раньше, пока меня конкретно не задевали, зато теперь хочу исправить эти недоразумения. Заодно Жеку перевоспитать как смогу на своем личном примере.

В «Современнике» дают классный японский фильм «Легенда о динозавре» и мы, отстояв здоровую очередь в кассу, радостно орем то от страха, то от восторга. Правда, зал заполнен целиком школьниками, на наших местах нашлась пара каких-то молодцов, наших ровесников, которых я сразу же поставил на лыжи.

Они попробовали чем-то поугрожать нам напоследок, тогда я сразу заявил, что встречу их после сеанса и пересчитаю все зубы, чтобы и не сомневались в моих боксерских способностях.

Уверенный тон заявления и злое лицо подействовали на сверстников, правда сам Жека изрядно перепух от моих действий, как я хорошо вижу. Поэтому не получает должного удовольствия от фильма, собираясь убежать пораньше от намечающихся проблем.

Даже пробует меня на такое малодушие уговорить, вот они – недостатки слишком плотной материнской опеки.

– Не вздумай, – шепчу я ему.

– Я сам отлуплю обоих! – и я показываю приятелю черную гайку, зажатую в руке.

– От нее удар в три раза тяжелее. Я уже отлупил двух птушников вчера, можем и сегодня их встретить, снова подеремся, если их больше окажется.

Жека, наоборот, от моих слов совсем не успокаивается и впадает в тревожный тремор, но нас никто не встречает после сеанса. Потенциальные противники не успели найти группу поддержки, а против моей уверенности оружия у них нет.

– Отлично! – Жека обрадовался не на шутку.

– Чего радуешься? Вот надавали бы им нормально, тогда есть повод. А так! – я разочарованно машу рукой.

Мы возвращаемся в кассу и покупаем билеты на вечер,

на «Анжелику – маркизу ангелов», после чего направляемся в кафетерий «Дюны», где расположена блинная «Русский чай».

Полностью деревянное оформление блинной смотрится круто даже для меня, современного, а в те времена деревянные панели на стенах напоминают мне одно кафе в Хаапсалу, в общем – место сравнимо даже с Прибалтикой.

За блинами стоит длинная очередь, встаем и мы, чтобы минут через двадцать ожидания взять мне пару с клубничным джемом по двадцать восемь копеек и пару со сметаной за двадцать шесть. Жека жметесь на деньги и берет себе только одни со сметаной, из напитков выбираем сладкий чай, зато я выпиваю сразу два стакана.

Экономить родительские деньги я больше вообще не собираюсь, хорошо знаю, что с ними случится в не таком уж и далеком будущем. В какой мусор они превратятся через десять с небольшим лет.

После пиршества мы гуляем мимо магазина «Балтика», где решила судьба моей семьи в суровом семьдесят первом году.

К тому времени у моего отца созрела настойчивая идея покинуть патриархальный город на Волге и перебраться поближе к местам, где он служил в армии.

То есть, в Ленинградскую область.

Настолько настойчивая, что разговор даже шел о разводе достаточно крепкой до этого момента семьи.

Он у меня вообще такой, достаточно непоседливый, мужчина. Любит путешествовать, только по разным местам работы, а не по курортам и странам в отличие от меня. Именно путешествовать, как советский человек, за новой работой и свежим трудом.

Я буду учиться в девятом классе, когда батя укатит за длинным рублем на Дальний Восток, пропадет там на целый год, пытаюсь устроиться на плавбазу или еще куда. После его возвращения в семье появится цветной новый телевизор за семьсот рублей и много фотографий из разных общежитий с мужскими коллективами. Мне то очень понравилось тогда жить более-менее самостоятельно, только приходилось постоянно присматривать за сестрой. Мать возвращалась с работы к семи вечера уставшая и только успевала приготовить нам еды на завтра.

Без отцовского контроля жилось отлично, даже двойка по алгебре в четверти не испортила мне настроения.

Глава 5 ИСТОРИЯ СЕМЬИ И МЫСЛИ О БУДУЩЕМ

В основном такая идея у отца созрела по сугубо меркантильным причинам, кроме имеющейся любви к перемене мест.

Потому что в трех местах Ленинградской области, как он доподлинно узнал, начались Всесоюзные стройки и чтобы заманить дефицитный нынче рабочий класс, там в ускоренном порядке раздают квартиры. Чего совсем не наблюдается в таком месте, как патриархальный город на Волге, весь усе-

янный маковками церквей.

Приятели отца с часового завода и через тридцать лет, во время нашей поездки на родину, еще далеко не все оказались живущими в своих квартирах, многие продолжают перебиваться с семьями в бараках, как в конце шестидесятых.

Вот именно эта благая мысль – получить благоустроенную квартиру и перебраться поближе к Ленинграду, как огромному городу и колыбели советской цивилизации из волжского, скажем прямо, конкретного такого захолустья послужила основой для переезда моей семьи на северо-запад нашей необъятной Родины.

Да и у детей всяко больше шансов окажется в колыбели Октябрьской Революции на достойную жизнь.

Спасибо отцу за такую идею, жить рядом с Ленинградом в современном городе атомщиков – очень правильная мысль.

Не сказать, чтобы отца и нашу семью измучил квартирный вопрос, ибо не смотря на свою молодость и недолгий стаж работы шлифовальщиком на часовом заводе, он успел там закончить вечерний техникум и даже выстроить кирпичный дом на высоком берегу притока Волги.

Отец так и не признался, как у него такое получилось, рассказывая что-то о денежном пособии молодой семье и ссуде на стройку в размере семисот рублей, полученной от часового завода.

Однако, откуда именно взялись дефицитные в такое время кирпичи, цемент и прочее добро для постройки частного

дома?

Про это он молчит, как рыба об лед.

Молодая семья получила участок на берегу реки, сначала построила маленькую сараюшку, где я прожил полгода во младенчестве и за пару лет выстроила кирпичный дом нормального размера при небольшом денежном участии со стороны родителей жены, а именно ста рублях, подаренных на крышу дома.

Дед у меня оказался довольно прижимист на деньги, я же пошел в него, пусть и не до такой степени. Зато бабушка моя, мудрая женщина, любила тратить найденные в доме зачатки деда и обзывала мужа редким именем – Скорпионом Мардарьевичем.

Дед, кстати, хоть и отвоевал все четыре года и был ранен под Ленинградом, оказался не очень доволен советской властью, ибо в революционном семнадцатом году служил как раз в Петрограде мальчиком при лавке. Перспективную и интересную работу в большом городе пришлось покинуть после революции, чтобы вернуться обратно в унылую деревню.

Отец несколько раз упомянул, что его как совсем не пьющего, редкого такого кадра для российской глубинки поставили после окончания технаря на должность инженера в шлифовальном цеху часового завода. Заведовать в том числе распределением спирта для всевозможной протирки и именно наличие жидкой валюты помогло ему построить дом.

Правда, это обстоятельство уже подразумеваю я по ме-

ре своей современной испорченности, но до сих пор с этим утверждением не соглашается он сам. Впрочем, мой отец, как глубоко советский человек до сих пор побаивается незримой руки ОБХСС и старается про такие удачные комбинации в своей жизни не распространяться никому.

Даже родному сыну и даже через сорок лет.

Еще отец ссылается на полное отсутствие продуктов в магазинах захудалого уездного города, что все колхозные урожаи уходят в ненасытную Москву и на сорокатысячный город в день выделяется всего триста литров молока, которые конечно не доходят до покупателей в магазинах.

Может, все так оно и было, только и смягчающие обстоятельства в деле имеются.

Чтобы отец не говорил, наличие родителей жены в деревне всего-то в шести километрах от города, а у них целой коровы, теленка, овец, кур и множества кроликов в клетках снижает уровень правды в его словах. Уж недостатка молока, мяса, сметаны и творога лично нашей семье можно было точно не опасаться.

Только успевай носить от хлопотливой бабушки дары деревенские в город полными корзинами.

Всего скорее, отец все же откровенно признается, что построенный без должного опыта дом оказался очень холодным и его приходится зимой топить не переставая без особого толку. Поэтому, прожив в нем пару лет, он и предложил матери искать новое место для жительства, а дом взять, да

и продать с концами.

Очень уж ему захотелось получить благоустроенную квартиру с горячей водой, газом и настоящим унитазом с подведенной канализацией, еще и с почти бесплатным отоплением от горячих чугунных батарей.

Дело чуть не дошло до развода, но родители все же собрались вместе, продали за немалые по тем временам восемь с половиной тысяч тогда еще полновесных советских рублей недавно построенный дом и выехали из Поволжья на поиски лучшей доли.

На выбор перед ними оказалось три места жительства – маленький город Подпорожье почти в трехстах километрах от Ленинграда, не знаю уж на что там собирался польститься отец. Кириши с его нефтекомбинатом и ядовитым дрожжевым заводом в ста пятидесяти и самый ближайший к Ленинграду город при атомной станции в восьмидесяти километрах.

Поехали сразу в самый ближний, куда уже ходит электричка, тут уже дошли до первого в активно строящемся городе магазина «Балтика».

После минутной экскурсии и лицезрения прилавков мать сказала, как отрезала, коротко и сурово:

– Остается здесь жить!!!

Пять видов вареной и полукопченой колбасы, имеющих в тот момент в свободной продаже, а так же беспрепятственно отпускаемые труженикам оранжевые апельсины потрясли

ее не избалованную прежде такими натюрмортами душу советского человека до предела!

Через год получили две комнаты в общежитии, еще через год – двушку на окраине города, жилье и правда раздавали быстро.

Единственно, для этого отцу пришлось перейти с места хорошо оплачиваемого рабочего-монтажника на в два раза меньше оплачиваемую должность мастера участка, согласно полученному образованию и желанию начальства. Можно было взять трешку на выбор, но она оказалась расположена на первом этаже в угловой квартире, поэтому отец отказался в пользу двушки на третьем этаже.

Поэтому я жил до поступления в училище в комнате вместе с сестрой и ничуть об этом не переживал.

Даже и не знал, что это не очень то и хорошо, таким неизбалованным оказался я, как и весь наш советский народ.

Поэтому я с интересом осматриваю помещение магазина, ведь за эти десять лет тут ничего особо не изменилось, с семьдесят первого по восемьдесят второй годы.

После этого мы возвращаемся пешком домой, билеты на «Анжелику» лежат в кармане, я собираюсь на тренировку, пусть все мышцы сильно болят. Как-то я нагрузил их несомерно своему телу, но сжав зубы, я продолжаю активно разминаться и стучать кулаками в шингартах по груше.

– Игорь, ты какой-то сильно настойчивый стал, – замечает тренер, когда видит меня второй день подряд в зале.

– Да, Юрий Кузьмич, буду ходить каждый день на каникулах, пока время есть, – отвечаю я ему.

– Решил чемпионом СССР все-таки стать? – интересуется он.

– Думаю еще, – отвечаю я с солидным видом, как будто это плевое дело для меня, парни рядом смеются.

Нет, чемпионом становиться я не собираюсь, кое-какие данные у меня есть, каких-то нет, а главное – нет желания провести в ринге долгие годы, чтобы, может быть, стать мастером спорта, одним из многих сотен в СССР.

Для гарантированного поступления в достаточно благодатное военно-морское училище мне вполне хватило первого взрослого разряда в разрядной книжке и пары грамот за первые места. Еще семнадцати баллов на вступительных экзаменах в лагере для абитуриентов, но тут уже преподаватели сами подталкивали меня в спину и исправляли ошибки, находя мою фамилию в списках одобренных на поступление спортивной кафедрой.

После тренировки возвращаюсь домой и, плотно поужинав, захожу за Жекой.

Сегодня я взвесился, весы показали сорок шесть кило, учитывая плотный перекус блинами, вешу я примерно сорок пять килограммов и этот результат меня не радует совсем.

– Необходимо набрать к концу учебы хотя бы пятьдесят кило, а лучше пятьдесят два, и чтобы это оказались настоящие мышцы, которым необходимо расплодиться на моем

теле, – ставлю я себе задачу на полугодие.

Возле кинотеатра встречаем пару наших одноклассников и дожидаемся, болтая на разные темы, начала сеанса вместе. Вместе погружаемся в интересный мир французской жизни не знаю какого века с ее галантной любовью и шпагами. Насколько я помню, все эротические и откровенные сцены из фильма вырезаны для проката в Советском Союзе, оставлены только легкие намеки, но нам хватает и этого, в нашем-то уже фертильном и пубертатном возрасте.

После фильма идем с Жекой домой, громко обсуждая увиденное и едва прикрытые прелести Анжелики, догоняем пару каких-то девчонок. Тут я хладнокровно делаю первый в новой жизни и вообще жизни моего нового тела подход типа пикап.

Слышу, что девушки обсуждают просмотренный фильм, сам присмотревшись к ним и признав достаточно симпатичными, нахально предлагаю заняться обсуждением фильма вместе:

– У меня есть знакомый, который смотрел его во Франции, – безапелляционно заливаю я, – так он говорит, что у нас пол фильма вырезали и сама героиня больше голышом там бегает, чем в одежде.

Смелое и провокационное заявление вызывает интерес у девчонок, несмотря на общее нежелание обсуждать с незнакомыми парнями интересное кино. Да еще моя ссылка на знакомого из Франции, не у всех советских людей есть зна-

комый, который лично побывал в этой самой невиданной Франции.

Жека с ужасом слушает мой треп, ожидая немедленного разоблачения, он то знает, что о таких знакомых я никогда не упоминал. И вообще раньше никогда не вел себя так смело, заговаривая с девчонками на улице или активно пытаюсь отлупить кого-то.

Да, я в этом возрасте робел для таких подвигов, но сейчас могу себе позволить весело разглагольствовать на взрослые темы. Ведь в них я разбираюсь в сотни раз лучше, чем в своем восьмом классе, да и увереннее в себе я тоже стал примерно во столько же раз.

По дороге я узнаю, что девушки учатся в четвертой школе, в восьмилетке, единственной в нашем городе и зову переходить их в нашу третью, обещая всяческую поддержку на новом месте.

Вижу, что разговорчивость и уверенность привлекают внимание к моей веселой болтовне одной симпатичной и одной прямо красивой из наших спутниц.

Так, весело разговаривая, мы доходим до дома, где живет одна из девушек. Я пока даже не знакомлюсь, не пытаюсь узнать имена, просто предлагаю встретиться завтра в том же кинотеатре на новом фильме, обещая купить билеты заранее.

Девчонки мнутя и не говорят ни да, ни нет, недоброжелательно поглядывая на мнущегося в сторонке Жеку, я осо-

бо не настаиваю на своем предложении, и мы расходимся с ними.

Едва мы отходим, Жека шипит на меня и заверяет, что не пойдет со мной завтра никуда. Я его хорошо понимаю, сам таким робким и стеснительным казался в его возрасте и просто не понимал, о чем разговаривать с противоположным полом.

А идти рядом через весь город и молчать – ну так себе занятие, я над собой такое насилие точно не вынесу теперь.

Да еще возможная встреча со страшными птушниками, мечтающими об ужасной мести именно мне, приводит в трепет моего приятеля, до нервных колик опасавшегося таких сюрпризов.

Просто я сильно изменился и заново составляю свою юношескую репутацию, хорошо понимая, что она немного запущена в моем конкретно случае.

Не хочет Жека, позову Стаса, он сразу же согласится, узнав о вероятной встрече с симпатичными ровесницами из соседней школы. Поговорить он и сам мастер, да и с моей серьезной поддержкой точно не струсит кого-то побить или хотя бы постоять рядом.

Хорошая такая природная наглость у него присутствует, теперь и я смогу активно поддержать разговор или ответить на какой-то наезд сверстников или даже кого постарше.

Уже поздновато получается по времени, когда открываю дверь в квартиру, мать ворчит, что я слишком загулялся и я

сразу же ложусь спать. День прошел сегодня очень насыщенно и интересно, понемногу привыкаю к новой жизни и еще ни разу не проговорился про свое знание будущего.

Ну, этот рассказ про придуманного знакомого из Франции и вырезанные эротические кадры из фильма – можно не считать за что-то такое важное.

Все же не тридцать седьмой год на улице и стать французским шпионом мне не грозит, вот в те года – это оказалось бы легко. Только рассказали бы девчонки родителям про такого знакомого и все, черный воронок уже выехал за хвастунишкой, а потом усталые следаки быстро выбили бы признание в шпионаже в пользу Антанты и назначили французским шпионом.

Правда, тогда и я уже пробивался бы к товарищу Лаврентию Берии со своим знанием истории, тогда точно записался бы в спасители страны. Шиш бы германским нацистам, а не воображаемый блицкриг.

Утром я сплю долго, а проснувшись, вспоминаю вчерашний день, анализирую, что в нем оказалось правильно сделано, а что не очень. И как соотносится взрослая голова с подростковым телом.

Хорошо соотносится, насколько я что-то понимаю, интерес к сверстницам присутствует, пусть и не такой искренний как раньше.

В общем-то, все вышло нормально, только Жеку немного перепугал своей бескомпромиссностью в стычке и смело-

стью в разговоре с противоположным полом.

Потом завтрак и я сижу дома один, Варюшку отвели вчера к сестре матери в гости, там она и останется на пару дней.

У моей тетки один сын, сейчас на флоте служит срочную, она всегда рада повозиться с племянницей.

Так получилось, что как только отец устроился на работу в новом месте, перспективном на раздаваемое государством жилье в виде отдельных и благоустроенных квартир. После этого он со временем подтащил из того же волжского города своего младшего брата с молодой женой и второго тоже. Самого младшего, пока одинокого по жизни, зато моего крестного.

У матери же в рыбацкой деревне в сорока километрах от города живет старшая сестра, вышедшая замуж за местного. Таким образом она первая уехала из колхоза, найдя дядю Юру, настоящего финна-ингерманландца, которого даже фашисты отправили работать в Финляндию по этническому признаку во время оккупации. И проложила в определенной степени путь моей матери.

Та тоже не захотела провести единственную и неповторимую молодость в тяжелом ежедневном и оплачиваемом только трудоднями труде в своем колхозе под волнующим названием "Новая жизнь". Да и парни местные деревенские ей не нравились как-то совсем, в неполные шестнадцать лет она смогла уехать к старшей сестре, где и получила паспорт.

Смогла, таким образом, легализоваться в стране победив-

шего пролетариата и ему союзного крестьянства, которое само находилось в таком сомнительном правовом поле, что не может свободно ездить по стране, не имея паспорта на руках и останавливаться в гостиницах тоже. Вынуждено получать справку в сельсовете каждый раз, когда есть нужда.

А правление может эту справку и не дать, когда уборочная страда или просто плохие отношения сложились с руководством.

Паспорта же вообще выдают очень тяжело и без всякого восторга, хотя право такое у колхозников все же имеется.

Однако у колхозников право имеется, а у председателя колхоза в наличии есть ядреный шиш, который он регулярно демонстрирует хитрованам, наострившим лыжи к новой легкой жизни в городе.

Поэтому мать не стала ничего просить, а просто уехала со своей матерью, моей бабушкой, к устроившейся уже в жизни сестре. Уже там по имеющемуся благу через родню ее мужа в местном сельсовете получила необходимую справку для оформления паспорта, как иждивенка, ухаживающая за своей маленькой племянницей.

Хотя дед и предлагал ей купить наручные часы, чтобы она осталась с родителями, но матушка в колхозе не захотела жить даже с часами на руке. Искала место для жизни лучше и нашла.

Зато потом мать перевезла в Ленинградскую область свою среднюю сестру, у которой не заладилась жизнь в том же

волжском городе с мужем, любящим залить за воротник, как и все местные мужики.

В итоге получилось, что средний брат отца с семьей живет в соседнем доме с нами, младший в общежитии так же недалеко, сестра матери в пятнадцати минутах ходьбы и только ее старшая сестра в сорока минутах езды на автомобиле по берегу Финского залива.

Зато постоянно привозит нам упаковки вкуснейшей копченой салаки в деревянных коробках и прочие деликатесы из колхоза-миллионера "Балтика".

Когда приезжает в большой город с улучшенным снабжением закупиться необходимыми вещами и продуктами, благо, что зарплаты в колхозе рыбаков очень солидные. Правда, ходить по Балтике на траулерах или разделывать рыбу на своем заводе – очень тяжелый труд.

Наглядный пример поговорки – рыба ищет, где глубже, а человек, особенно советский – где лучше!

Тогда казалось, что лучше так – остаться жить в этом симпатичном городе на берегу залива, лауреате премии РСФСР по архитектуре, со снабжением на уровне Ленинграда и Москвы.

В принципе и сейчас нет никакого разочарования, город ухоженный и благополучный, пережил непростые годы лучше других и становится краше каждый день.

Но у меня складывается такое ощущение, что я возвращен в свое тело подростка судьбой или богом, чтобы что-то

исправить в окружающей меня жизни. И теперь я все утро пытаюсь понять, что я знаю такого, что поможет моей стране или отдельным людям.

Конечно, про то, что СССР обречен, я знаю очень хорошо, однако знаю и о том, что все не так просто.

И обречен своими правителями, той самой элитой, которая и решает судьбы страны, чтобы про это не говорили демагоги и как бы не мечтали идеалисты повернуть время вспять. Ничего практически не изменить, можно только себе и своим родным немного соломки на будущее постелить и все.

Еще и знакомым, но это вопрос такой очень сомнительный и сложный по исполнению, чтобы выступать перед малознакомыми людьми как оракул, этакий предсказатель будущего.

Есть у меня сейчас одноклассник, Мишка Милешкин, про которого я помню, что утонет он на заливе то ли в девятом, то ли в десятом классе, сообразно курсу своего ПТУ.

И что мне делать, так подойти к нему и сказать, не купайся Миша, пока свое училище не закончишь? Да ну, бред получается.

Интересовался этой темой распада СССР я лично, много читал, да и сам в этот момент присутствовал в стране, видел все своими глазами. Не скажу, что как-то при этом переживал, что сначала ушли литовцы и остальные прибалты, потом начался парад суверенитетов и уже в конце разошлись три

братские славянские страны.

Кто кого из бывших братских республик кормил – тогда особо не интересовались, по магазинам я мало ходил, особенно когда ездил к другой бабушке на Украину, хотя мог бы заметить, что там со снабжением дело обстоит получше.

События закручивались и разворачивались все быстрее, жизнь становилась труднее, пустые прилавки магазинов наглядно показывали людям, что в стране все идет не так. И давно назрела необходимость что-то поменять.

Поэтому готовить покушение на Горбачева или высших членов партии нет смысла никакого. Они просто выполняют массовое желание своей партийной номенклатуры стать по-настоящему богатыми и не стесняться этого. Поделить общественное в свою пользу, пока абсолютная власть твердо удерживается в руках, а потом все нажитое легально передать детям.

Впрочем, своим детям и внукам наши вожди первыми разрешили приобщиться к свободной торговле с капиталистическим миром, создав в июле восемьдесят шестого года "Центры научно-технического творчества молодежи". Где они смогли абсолютно легально самыми первыми попрактиковаться в распродаже Родины и зарабатывании миллионов вместе с обналичиванием.

Еще и обманут жестоко кремлевских мечтателей хитрые капиталисты, как и положено сладкоголосым павлинам.

Их мечты все равно сбылись, до сих пор в провинции

до семидесяти процентов денежных потоков контролирует бывшая партийная, комсомольская и хозяйственная советская элита.

Да и сам я, прислушавшись к себе, не хочу заниматься этим неблагодарным делом.

Так, а что же еще я могу сделать полезного для страны и своих родных?

Глава 6 ПРОВЕРКА НА СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

Начиная с восьмидесят второго года? Имея знания о будущем? Только, не слишком четкие, честно говоря.

В общем-то все помню, но вот в частности, именно по привязке к месяцам и годам – почти ничего.

К такому попаданию в свое прежнее тело я не готовился и теперь могу вспомнить только очень немного из того, что происходило в те времена, названные справедливо годами позднего застоя.

Как назло, ноутбук с закачанными по дням файлами не провалился с моим сознанием вместе, да и не имелось у меня такого, как нет подробного конспекта с теми событиями, на которые я могу повлиять.

Все, что помню про этот год – это то, что в начале ноября умрет бессменный Генсек КПСС, товарищ Леонид Ильич Брежнев, при мудром руководстве которого страной прошла моя жизнь, то есть, вся эта новая жизнь.

Еще перед майскими праздниками в восьмидесят шестом году взорвется реактор на Чернобыльской АЭС. У нас на

станции такая же ситуация случилась в семьдесят пятом году, как я помню. Но вывезла тогда судьба людей и город, да и всю страну, реактор разгоняли, а не глушили, как на Украине.

В общем негусто так я могу вспомнить про этот год. Но есть чем отца с матерью удивить, чтобы они максимально серьезно отнеслись к моим словам о будущем. Выступить в роли оракула, которому ведомо во снах неведомое, таким образом добиться внимания к своим словам, желаниям и поступкам.

Начну, пожалуй, именно со смерти генсека, годового правления следующего по списку Андропова, еще одного годового правления Черненко и прихода к власти Горбачева в восемьдесят пятом году.

За эти два с половиной года родители окажутся абсолютно убеждены в том, что мне снятся сны-предсказания, которым необходимо следовать, как программе построения коммунизма в одной отдельно взятой стране.

И поэтому с деньгами придется расставаться, пока они чего-то стоят, а не держать очень уж долго в зажатом кулачке, чтобы потом, разжав его, увидеть на ладони только пепел от несбывшихся ожиданий.

Хотя они у меня такие упертые в своем мнении люди, однако посмотрим, как все получится.

Пробыв в раздумьях на Варюшкином диване пару часов, я решил взять перерыв в блужданиях разума и позаботиться

о культурной программе на сегодня. Пора заняться личной жизнью, теперь я точно раньше перестану быть девственником.

Не придется ждать того памятного похода в общежитие фабрики "Веретено" в день своего рождения, вместе с опытными старослужащими товарищами, которые обо всем договорятся за меня с одной рыжеволосой нимфой.

Оторвавшись от сладких воспоминаний, вызывающих конкретную неловкость даже сейчас, звоню Стасу и сразу же договариваюсь на поход в киношку сегодня вечером.

Тем более рассказав о вчерашней встрече и намекнув, что продолжение перспективного знакомства возможно вполне. Девчонки ничего так и не пообещали, не повелись на мои сладкие речи до конца, да и унылый вид моего приятеля Жеки их отпугнул. Уж больно он с несчастным видом стоял рядом, очень опасаются еще, что я продолжу им его сватать.

Нет, со Стасом явно легче окажется с ними серьезнее познакомиться.

Что особо приятно, обе симпатичные такие, серьезно выше среднего, есть за что пободаться с конкурентами и утереть нос одноклассникам. И одноклассникам тоже немного.

Тем более, что Стас совсем другое дело, этот и меня заболтать может. Недаром мы с ним первые устроили, если это так можно назвать с юмором, притон для школьников и школьниц на квартире у нашей одноклассницы. У нее родители куда-то надолго уехали, оставили достаточно безответ-

ную девчонку одну жить в отдельной квартире, и Стас про это дело быстро узнал.

Тем более, ее дом-точка находится ровно между нашими пятиэтажками, и сам бог велел использовать такое выгодное местоположение для сборищ с заигрываниями в сторону противоположного пола.

Первые стали собирать парней и девчонок на встречи без взрослых еще в седьмом классе, когда, вернувшись с летних каникул, совершенно внезапно обнаружили, что некоторые одноклассницы разительно прекрасно изменились за это время, за всего-то каких-то три летних месяца.

Можно, конечно, прибавить, что они повзрослели и стали сильно женственнее, но самое главное отличие состоит в том, что у некоторых сильно прибавилось фактуры за пазухой и именно они вдруг превратились в притягательных красоток для наших внезапно ставших пытливыми глаз. Те же, кто не смог нас поразить своими новыми формами, так и остались только обычными одноклассницами и не больше, даже просто откатились в самый низ рейтинга и понятного интереса.

Такая вот метаморфоза с нами случилась, поэтому вскоре мы предложили собравшимся начать играть в одну интересную и завлекательную игру под названием «бутылочка».

Классика жанра.

Когда заманили в гости еще пару одноклассниц, как раз повзрослевших больше остальных и одного нашего приятеля, которому одна из них серьезно нравилась.

После нескольких неудачных попыток бутылка из-под шампанского, запущенная рукой этой девушки, уверенно показала на меня, и мы вышли из комнаты, чтобы предаться поцелую. Жаркого поцелуя, правда, совсем не случилось, приятель Саша громко требовал от меня не срывать первые покровы невинности с его пассивности, а сама пассивность, этакая проказница, не дала себя даже обнять, блюдя ему определенную верность и затем игра как-то заглохла.

Да и потом желающих терять свою репутацию в такой сомнительной компании девушек больше не нашлось, это при том, что ничего особенно интересного не случилось.

Так что мы оказались первопроходцами в изучении взрослых отношений, только здорово спалились в этой области, но образно говоря, так и не попробовали ничьих персиков. А репутация у нас серьезно просела среди одноклассниц, как у весьма озабоченных мальчиков. Поэтому нам придется работать и собирать нектар теперь на чужих полях, рискуя нарваться на личные неприятности.

Впрочем, теперь я нарвусь на них с удовольствием, собираясь и дальше драться по первому поводу. Удары у меня, конечно, легкие, зато и пробивать я могу их часто и умело. А любой удар кулаком по голове, даже самый слабый, отзывается весьма чувствительно даже в самой пустой емкости на плечах, просто так не проходит для того, кого бьют.

Сам лезть ни к кому не стану, зато любые наезды встречу в штыки и отплачу сторицей.

Вскоре я переварил обед, отдохнул и собрался на тренировку, пришел в здание учебного корпуса ПТУ, где и проходят занятия. Показалось мне, что где-то около входа мелькнули лица тех парней, которые просили денег в Андерсенаграде, только получили взамен от меня тумачков. Однако я уже прошел в длинный коридор, ведущий к залу и не стал оборачиваться. Они меня точно рассмотрели, ведь одет то я все так же. Могут теперь попробовать отомстить за эту парую плюх, отхваченных так внезапно от малолетки, да еще школьника, что выглядит уже совсем вызывающе.

Ну, я в принципе знал, на что иду, поэтому и переживать поздно, пора позаботиться о том, что может произойти после тренировки.

В этот раз снова стучал битами по баллонам, поднимал штангу на лавке и качал трицепс гантелями, старался изо всех сил, тренер снова удивился моему энтузиазму. Даже с грифом поприседал, чтобы прокачать ноги и закончил тренировку как раз, когда появился реально местный авторитет среди всех птушников, учащийся второго курса Саня Кирпонос.

До этого я собирался покинуть спортзал с толпой друзей-ровесников, чтобы не нарываться одному на неприятности, но и Саня мне очень нужен.

Его-то я и жду с понятным нетерпением для решения наметившейся проверки на вшивость при выходе из зала. Да и вообще, с таким парнем лучше заранее договориться, еще на

берегу, как я могу прикрыться его славным именем в особо трудных ситуациях.

Крепкий и симпатичный парень, занимается не так давно, но уже закончил пару боев быстрыми нокдаунами в своем немалом весе. Поэтому я решил поговорить с ним заранее, отчетливо предугадывая назревающую проблему.

Вообще стиль его боев теперь напоминает мне раннего Тайсона, еще никому не известного. Прорваться поближе к противнику и с одного из мощных крюков уложить на настил ринга или отправить переживать нокдаун на своих ногах.

– Саня, разговор к тебе есть серьезный, – я дождался, когда он утомится и перестанет охаживать грушу.

– Чего тебе? – парень ко мне хорошо относится, и я уверенно думаю, что не откажет в кое-какой поддержке.

– Тут случилось кое-что у меня. Пара хабзайских попробовала денег стрясти в Андерсенграде. Я им по разку отвесил и все. Если соберут своих толпу, на тебя можно сослаться? – сбивчиво объясняю я.

– Кто такие? – заинтересовался Саня. – Молодец, что отвесил, – похвалил он меня.

– Да первый курс, салаги какие-то.. – я сделал такой неопределенный жест, как будто сам сильно старше.

Ну, я гораздо старше, однако не стоит совсем лезть на рожон, я все же не девяносто кило сейчас вешу, а просто маленького роста паренек, которого вряд ли по внешнему виду кто испугается. Даже если я боксер. Да и не положено птуш-

никам получать люлей от школьников, это все хорошо знают. Только совсем наоборот приветствуется такое дело среди великовозрастных балбесов...

– А, ссылайся! – первый курс Славу совсем не колышет, как впрочем и все остальные.

Даже те, кто старше на год не захотят с ним связываться всерьез.

Он снова занялся грушей, я же пошел мыться и переодеться уже с относительно спокойной душой.

Ну вот, как я прямо и предчувствовал, меня уже ждут на выходе трое, двое тех самых побитых мной парней и кто-то постарше, ну очень такой здоровый парень. Я ему просто по плечо ростом, даже ниже немного.

Я не помню, чтобы птушники цеплялись к проходящим мимо них в зал бокса подросткам, но тут такой случай, что придется ответить за нанесенные удары. Вон у того, который повыше ростом и хорошо заметный синяк имеется на скуле, куда врезалась сильно утяжеленная гайкой рука.

Дорогу на крыльцо мне за пару шагов до дверей перегородил здоровяк, потерпевшие унижение парни встали с его боков:

– Чего надо? Не подаю, я же сказал! – понтуюсь я сразу, кивая в сторону того, который с синяком.

Не собираюсь ждать, чего мне там предъявят, сразу поднимаю ставки наглым поведением.

– Ты чего такой борзый, школьник? Давно не обсирался

в руках у дяди? С какого это х.. ты моим друзьям по голове полез бить? – начало тоже такое традиционное от здоровяка.

– Заступника нашли? Сейчас потеряете навсегда! – продолжаю гоношиться я, присматривая за руками здоровяка.

Не хочется пропустить внезапный удар от такой туши, можно и сознание потерять на раз.

– Жалеть что ли, попрошаек всяких? Если мало, пусть еще попросят, добавлю сразу! – довольно громко ответил я, показывая, что совсем не испугался здоровяка по внешнему виду, как настоящий боксер, пробитый на всю голову.

Хотя главный боец в этой команде выглядит очень солидно, килограммов на семьдесят потянет, не меньше и выше меня на полторы головы.

– Со мной поговоришь сначала, если смелый такой! Пошли! – подтолкнул меня крепыш в сторону кустов, растущих недалеко от крыльца учебного корпуса.

Сразу руки распускать побаивается, недалеко вахтерша сидит и присматривает за порядком.

Пришла пора выкладывать заготовленный аргумент, уже конкретно так запахло групповым нанесением побоев моему юному организму.

– Ну, стукачи! Попадётся мне еще! – грожу я сладкой парочке, переходя на приклатненый слэнг.

Вижу, что все задиры немного удивились, что такой невысокий парень перед угрозой здорового детины не стушевался и продолжает демонстрировать стойкость, да еще обещает

отомстить зачинщикам прямо здесь.

Потом я перевожу взгляд на возвышающегося надо мной парня и, глядя ему прямо в глаза, говорю:

– С тобой сначала Саня Кирпонос поговорит! Если ты так хочешь, я его прямо сейчас позову! Пока он в зале разминается и ищет, из кого бы дерьмо выбить! – уверенно сказал я, прямо как взрослый такой мужик.

И сразу же понял, что упоминание имени самого опасного драчуна во всем хабзае подействовало и на здоровяка, и на его шестерок отрезвляюще.

Тем более, сам я оттуда иду, из зала и значит точно знаю, что местная гроза именно там проводит свое время.

А то, что он прямо рядом сейчас и я готов сразу же сбегать за самым сильным бойцом ПТУ, совсем не нравится здоровяку. Связываться с Кирпоносом – это совсем не такое простое занятие, как навалить звездюлей мелкому подростку.

Сразу же пропало желание мне накостылять у парня, он понимает, что за своего приятеля Саня может спросить и серьезно опустить вниз авторитет на ровном месте. Если он сам с ним в хороших отношениях, то спросит про меня и получит совет не лезть, чтобы не вписываться за терпил, которые по всем понятиям получили за дело. Если же в плохих, то и рисковать не станет, все знают, что Кирпонос бьет всегда один раз, больше никому добавлять не приходится. Потом только долго в сознание приводят неудачников.

Все же хорошо, когда есть кем пригрозить, сам я точно

троих не вывезу, да и одного этого здоровяка тоже, хотя один на один мог бы поотмахиваться, если он не занимается сам ничем. Только вот один на один не получится, не такой сейчас расклад, не стоит и пробовать, итог окажется сильно печальным. Вон еще кучка хабзайских толпится недалеко, посматривая в нашу сторону, ждет радостной возможности пнуть кого-нибудь на халяву.

– Эх, одной гайки маловато будет, придется еще ножку от табуретки в спортивной сумке носить, – решил я пока про себя, ожидая ответа главного противника.

Если начать первым и попасть сразу как следует, то тогда уже на меня могут заявление писать потерпевшие хулиганы с рассеченным до кости лбом.

Не для того мое взрослое сознание попало в тело подростка, чтобы его отоваривали годящиеся мне во внуки пацаны. Уверенная работа языком и вид такой же – и сразу же назревающая проблема рассасывается или откладывается на какое-то время.

Поэтому я, не дождавшись ничего от главного в группе мстителей, с гордым видом пропихнулся между замолчавшим здоровяком и одним из терпил, оттолкнув того и зашагал от них за угол специально неторопливым шагом. Очень хочется оглянуться, нет ли за мной погони, но я держу себя в руках.

Не пристало приятелю самого Кирпоноса переживать и оглядываться, опасаясь звездюлей, только уверенное поведе-

ние и деловые повадки теперь должны стать моей визитной карточкой.

Вот так не смолчал на мелкий наезд, дал ответку явно выше цены вопроса, хотя мог бы просто уйти, когда парни замялись в ответ на мою явно демонстрируемую уверенность. Но здорово порадовал себя тогда чувством победы и теперь вопрос поднялся на уровень повыше, который я смог пока решить с помощью полезного знакомства.

Где-то в Советском Союзе, в той же Казани или Набережных Челнах такие вопросы уже сейчас решаются массовой дракой между молодежными бандами районов или с привлечением авторитетов, тех же самых воров. А в приличном городе на балтийском побережье можно просто сослаться на самого сильного бойца в округе и этого хватает.

Впрочем я сам несколько раз в прошлой жизни, гуляя по городу с одноклассниками, встречал Саню, всегда с какой-нибудь симпатичной девушкой, здоровался с ним за руку, после чего приятели с потрясенным видом мне говорили:

– Так это же сам Кирпонос! Он самый крутой в хабзае! Его там все боятся!

На что я кивал с понимающим видом, типа, кому вы это рассказываете.

Да, я даже знаю, что в буйные девяностые годы мой приятель по секции станет серьезным авторитетом, будет иногда жестко воспитывать местную братву. Даже по слухам выстрелит кому-то в голову из пистолета, но жертве здорово

повезет, пуля пройдет вокруг черепа под кожей, и он останется жив. И Сане тоже повезет, значит.

Будем изредка встречаться на улицах города, как-то Саня увидит у меня значок «Депутат сельского Совета» и попросит его подарить, очень он ему понравится.

Значок я у деда выпросил, когда продавали дом в деревне и увозили их с бабулей из деревни в город. Он был депутатом в своем колхозе, которого уже не осталось к тому времени, как и всего советского.

Но все это еще очень далеко впереди от нас по времени.

Сейчас мы простые советские парни и ни о чем таком в жизни даже близко не догадываемся.

Я, конечно, определенно знаю про наше будущее и теперь ломаю голову, даже с заметным облегчением от удачной развязки, спеша домой. Сане я ни о чем таком рассказывать не стану, лучше сохраню хорошее отношение ко мне, гораздо целее останусь.

А то еще решит, что я немного ненормальный и станет держаться подальше от такого товарища.

Глава 7 ПЛАНЫ И МЕЧТЫ

Дохожу до нашей квартиры, где налив себе чая и смастерив гору бутербродов с хлебом, маслом и сыром, я решил серьезно задуматься о своем возможном будущем.

Как-то пришло понимание, что я очень вероятно надолго, а может и на всю оставшуюся жизнь в этом теле останусь.

– И что же мне делать? К чему готовиться? – мысли так

серьезно путаются в голове.

Пока никого нет дома и мне не будут мешать пораскинуть мозгами, я даже достал тетрадку и начал записывать свои мысли, чтобы смог потом вспомнить. Давно уже у меня такая привычка есть, очень помогает по жизни.

Что делают вообще попаданцы в советское прошлое?

Кроме того, что спасают Советский Союз, прорываются на прием к Сталину или тому же Андропову с криком:

– Я все знаю!!! Я вас всех спа-а-а-су!!!

И их пакуют санитары в специальную одежду с длинными рукавами, отвозят в специальное помещение.

Сталина уже нет, как и верного в кавычках Лаврентия, а вот Андропов еще будет...

Нет, даже не так, чего хотел бы делать лично я? Что мне нравится – я знаю, теперь, как можно соотнести это с тем, что имеется за окном.

Спасать сам социальный строй поздно, человеческая порода не меняется настолько кардинально, чтобы питать какие-то надежды на другое будущее. Нас ждет дикий капитализм во всех его проявлениях через какое-то время.

Еще восемь лет правления КПСС, два года непонятной неразберихи, свободный рынок и суровые девяностые годы семибанкирщины.

Вылезать с моим умением немного торговать еще рано, лет шесть точно придется делать это, привлекая как можно меньше внимания. Но устроиться в такое место, куда-нибудь

в торговлю или сферу услуг я вполне могу, понимая людей и основные принципы совместного существования суровых законов социализма и повсеместно распространенного блага с устойчивым понятием "своих" людей.

Правда, это уже такая лотерея, где можно вытащить и очень черную метку.

Что уж говорить о временах развитого социализма, когда году в девяносто пятом, не помню какая уже по номеру статья о нарушении правил в торговле догнала и меня, причем всего-то за обычные ценники. За два неправильные подписанных ценника на бренди "Слыньчев бряг".

Именно этот достаточно тяжелый по восприятию, но весьма популярный в народе напиток чуть не привел вашего покорного слугу на скамью подсудимых, а там, как знать...

Случилось так, что с промежутком в полгода один и тот же бренди, который оказывался то производства Болгарии, то становился молдавским, попался проверяющим с неправильно оформленным ценником именно по месту происхождения. Пристрастно дышавшая в мою сторону муниципальная милиция оформила два протокола и было скоренько заведено уголовное дело за неоднократное нарушение правил торговли в течении года.

До двух лет тюрьмы, кстати, полагалось за два неправильных ценника в те времена очень дикого капитализма, так что совсем не так просто жилось нашему брату купи-продай. Государство отнюдь не утратило карающие функции по отно-

шению к маленьким людям, используя понятия уголовного права, как это было принято при Советском Союзе.

У меня куча знакомых девчонок-предпринимательниц оказалась осужденными на год условно по этой статье и очень радовались такому мягкому приговору.

Вопрос в своем родном городе я, конечно, решил, за всего то смешную сотню вечнозеленых через знакомого дознавателя из тогда еще ГАИ, дело срочно куда-то затерялось при перевозке в суд. Вскоре статью декриминализировали, дело снова обнаружилось, я получил небольшой штраф, а вот всему составу суда оказалось очень нехорошо от дегустации такого конфискованного напитка в количестве девяти бутылок на следующее утро.

Так что с торговлей в советские времена все очень непросто, насколько я понимаю, чуть шаг влево – и кастрация в кипящем масле на медленном огне.

Ладно, чем там еще попаданцы живут?

Начнем с яркой и красивой жизни рок-музыканта, приличной для писателя фэнтези и шикарной для миллионера, даже не подпольного.

Такие первые три варианта – самые интересные для меня, ибо я очень люблю русский рок, фэнтези про попаданцев, ну и деньги лишними не окажутся никогда.

Всего то нужно обладать даже не феноменальной памятью, чтобы вспомнить пусть и не сотни, хотя бы приблизительно десятки текстов самых популярных песен и записать

их на себя, как истинного автора. Так обычно и начинают восхождение к вершинам успеха шустряки из нашего времени из других книг.

Просто повторяют уже написанные песни, создают свои рок-группы и становятся кумирами молодежи.

Неплохой путь для молодого мальчишки, тут тебе и драйв, и восхищенные поклонницы голенькими в постель запрыгивают с искренней любовью в широко распахнутых глазах. Да и деньги нормальные выходят за выступления, года так с восьмьдесят шестого-восьмьдесят седьмого наверно.

Правда, есть ли у меня слух и сколько текста из готовых шедевров я смогу вспомнить – серьезный такой вопрос.

Насчет слуха – момент весьма критичный, я музыкой никогда не занимался и подозреваю, что с этим делом все печально обстоит в лично моем случае. Когда приходилось распевать песни вместе со взводом, меня постоянно заносило не туда, то вперед, то назад относительно слаженного хора.

Возможно, что постоянные занятия с учителем мне помогут, а возможно, что и нет.

Что-то вспомнить смогу точно, стану соавтором у Шевчука или Кинчева, может и до Цоя со словами – "Перемен требуют наши сердца!" доберусь и сам отвезу его на рыбалку, чтобы не рисковать жизнью звезды. Тут поле напаханное для вдумчивой деятельности, можно научиться немного лабать на гитаре и податься в одну из реально успешных рок-групп, в то же ДДТ или Алису, таких достаточно много в памяти

сохранилось.

Именно, что не в "Препинаки" или "Два самолета", например.

Или стучать на барабанах и писать песни, главное при этом – зарегистрировать их на себе родимого честь по чести.

Для такого рода занятий есть еще четыре года примерно, когда рок-музыка начнет выходить из подполья и зарабатывать ощутимые деньги, хотя рок-клуб на Рубинштейна уже сейчас официально работает под крышей профсоюзов.

Тоже, кстати, интересное место для приложения своих способностей, эти самые профсоюзы, однако в лидеры этого общественного института я выбиться точно не успеваю. Лет бы пятнадцать иметь в запасе, как для комсомола родного.

За пару лет научиться сносно играть на гитаре – интересно, это возможно? Если придется учиться и работать при этом.

В принципе, если оказаться даже достаточно рядовым гитаристом или ударником, еще при этом знать, куда лучше устраиваться, вполне можно отлично пристроиться. Да и русский рок не слишком привязан к виртуозности музыкального исполнения, здесь главное – смысл песен. Это когда уже совсем нечего умного сказать в тексте, приходится привлекать внимание фанатов виртуозностью исполнения соло на гитаре или барабанах, всякими шумовыми эффектами и красивыми костюмами.

Да, вполне вероятная такая возможность найти себя в

рок-музыке, единственно, что с творческими людьми мне не так просто общаться, иногда и просто невыносимо. Некоторые такие знакомые быстро выводили меня из себя и я поступал с ними сурово, как хорошо обученный махать кулаками жлоб, совсем не обращающий внимания на завышенное самомнение творческих личностей и их ранимые души.

Записал на бумаге свои мысли на счет стать рокером и двинулся дальше по списку.

Насчет писателя – тоже неплохой вариант, солидный такой и через восемь лет обещающий хорошие перспективы.

Работаешь один, ни от кого не зависишь, стучишь себе по клавишам, вспоминая Темных и Светлых, попивая крымское вино...

Переписать прочитанные книги, добавить немного борьбы с эксплуататорами, чтобы получить одобрение партии и надзирающих органов, а можно и крови побольше выплеснуть на читателя, чтобы проняло за душу как следует.

Соединить "Властелина колец" с нашим попаданцем-комсомольцем и начать борьбу за права рабочего класса в Средиземье. Ладно, рабочего класса там нет, зато имеются угнетенные злобным эксплуататором Сауроном гоблины и орки, можно положить свою жизнь для освобождения и перевоспитания этих, в общем-то, простых неплохих парней.

Еще бороться с такими товарищами против Светлых эльфов из Града на холме – еще неплохой вариант.

Тут все не просто, вход в издательства и официальный

путь наверх сейчас – процесс очень долгий, эта проблема сама собой рассосется к девяностым годам. Но вполне реальный вариант, годится на будущее, чтобы опередить время лет на десять – пятнадцать и оказаться авторитетным, многомиллионным писателем уже в начале девяностых.

Теперь про возможность стать миллионером еще до девяностого года, это уже только через комсомол возможно.

Или первые кооперативы тоже.

Я могу сделать карьеру комсомольского руководителя и стать достаточно богатым человеком уже при социализме.

По своему возрасту к девяностому году я могу еще пробиться куда-то в комсомольский актив, однако точно довольно невысоко, ибо связей пока нет и не факт, что они вообще появятся.

И когда комсомольцы начнут создавать первые легальные фирмы, то есть "Центры научно-технического творчества молодежи" в восемьдесят шестом году, конечно, вряд ли смогу участвовать в таких лакомых делах. Не тот у меня уровень будет, да и папы первого или второго секретаря райкома не имеется, ну или хотя бы инструктора горкома.

Да хотя бы такого дедушки!

Тогда, тем более, мне нечего ловить в школе, где я еще и в комсомол не вступил до сих пор из вредности. Проще всего двигать туда, где инициативный и деятельный секретарь комсомола окажется на виду, как одинокий тополь на Плющихе.

Именно в ПТУ, где я буду хорошо виден как одинокая новогодняя елка в пустыне среди ярких таких представителей советской молодежи.

Правда, тема эта достаточно хлопотная, создавать комсомольский движ среди пофигистов птушников, потом еще на каком-нибудь заводе возглавлять ячейку цеха, это уже как раз восемьдесят шестой год будет.

Зато можно легально от армии откосить наверно.

Притом абсолютно не веря во всю эту постановочную номенклатурную хрень для обычных карьеристов при хороших, правильных лозунгах – не так-то просто казаться верным ленинцем. Надрывать из всех сил, отчетливо понимая, что осталось комсомолу всего восемь лет существовать, а если серьезно, то еще гораздо меньше фактически, всего лет шесть.

Как только вожаки ленинской молодежи разберутся со своими неограниченными правами и возможностями в бизнесе – сразу же забудут про комсомол и Ленина. В лучшем случае на таких, как я, болванов свалят весь процесс воспитания молодежи.

В принципе с моими взрослыми мозгами я могу кому-нибудь и там попасться на карандаш, даже перебраться в горком комсомола, однако стоит признать, что шансы на это не велики. Хотя году так к восемьдесят восьмому или девятому могу вполне на это созреть, только должен понимать, что окажусь на побегушках у лидеров с огромными деньгами в

кармане. Да и тема комсомольская к тому времени явно пойдет на спад, тем более среди этих самих лидеров.

Да и нет у меня этой особой полезности и умения становиться нужным человеком, не моя это тема, могу сказать себе откровенно. Проиграю я конкурентную борьбу, когда запахнет большими деньгами и необходимостью преданного лизания чьей-то нужной задницы. Не стоит и напрягаться, ибо и в этой жизни нервы не восстанавливаются, тем более, что я наверно еще со старыми, потрепанными прошлой жизнью сюда попал.

Так, три варианта рассмотрел, все три нельзя так сразу откидывать в сторону, оставляем в папке "возможное".

Проверить слух – не трудно, с эпистолярными способностями все хорошо, вполне хватит пересказать своими словами любимые книги.

А вот отпахать в комсомоле на низовых должностях несколько лет и остаться в пролете – обидно и вполне возможно, особенно когда всей лавочке скоро придет конец.

Да и не очень хочется заниматься настолько неблагодарным делом – глаголом пламенным жечь сердца птушников и молодых рабочих. Крайне бесперспективное занятие для меня современного, чтобы куда-то увлекать и призывать этих ленивых к пламенным идеям ослов и остолопов в общей массе, забирая еще полтора процента честно заработанных денег неведомо куда.

Если только подвернется смазливая дочка при партийном

отце высокого положения, чтобы сделать первые шаги по комсомольской лестнице в ускоренном режиме. Опыт подсказывает, что пробивному парню точно подвернется такой вариант, однако невеста на выданье возможно окажется не так уж и хороша, как хотелось бы.

Как-то побывал я на таких смотринах, ведя веселую жизнь политического беженца в земле Баден-Вюртемберг. Только быстро понял для себя, что не так уж и хочу остаться в богатой Германии, чтобы жениться на таком варианте и потом еще несколько лет жить рядом.

Впрочем, тут все от меня зависит в таком деле, еще в девятиностом году тесть устроил меня в свою шарашку через красносельских комсомольцев, они мне даже трудовую книжку выдали и стаж с тех пор пошел. Где-то года полтора я у них числился инженером и потом приезжал закрывать увольнение тоже через них.

В рокеры пойду с удовольствием, в писатели тоже, насчет комсомола подумаю, вещи эти взаимно противоположные.

На этот моменте я заканчиваю мозговой штурм и закрываю тетрадку, прячу ее подальше от родителей или сестры.

В общем зная будущее и понимая в какую сторону стоит идти, возможностей открывается великое множество. Остается только повзрослеть немного и советский паспорт получить еще почти через год. Ну и денежный вопрос начать решать каким-нибудь нестандартным для моего времени способом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.